

18+

Грешные Милые Обманщицы

КНИГА,
вдохновившая ABC
на создание сериала
**PRETTY
LITTLE LIARS**

САРА ШЕПАРД

Милые обманщицы

Сара Шепард

Милые обманщицы. Грешные

«АСТ»

2008

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Шепард С.

Милые обманщицы. Грешные / С. Шепард — «АСТ»,
2008 — (Милые обманщицы)

ISBN 978-5-17-095590-9

В идеальном городке Роузвуд четыре очень хорошенькие девушки могут быть очень плохими... Спенсер раскрывает самые глубокие тайны своей семьи. Ханна готова пойти на все, чтобы стать королевой школы. Ария явно поощряет вкус мамы в выборе мужчин. А Эмили постоянно думает... о своем новом бойфренде. Девушки считают, что они в безопасности, раз убийца Эли сидит за решеткой. Но тот, кто не помнит своего прошлого, обречен пережить его снова.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-095590-9

© Шепард С., 2008
© АСТ, 2008

Содержание

Пытливые умы желают знать...	6
1	12
2	17
3	21
4	27
5	31
6	35
7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сара Шепард

Милые обманщицы. Грешные

© 2008 by Alloy Entertainment and Sara Shepard Key Artwork

© 2016 Warner Bros. Entertainment Inc. All Rights Reserved.

© И. Новоселецкая, перевод на русский язык, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Посвящается Коллин, Кристен, Грегу, Райану, Брайану

Солнце светит и злым.

Сенека

Пытливые умы желают знать...

Хорошо бы точно знать, о чем думают окружающие, да? Если бы людские головы были подобны прозрачным сумкам *Marc Jacobs*, в которых мысли видны, как ключи от машины или губная помада *Hard Candy*! Тогда сразу стало бы понятно, что на самом деле подразумевала под словом «хорошо» школьный режиссер, у которой вы проходили кастинг для участия в мюзикле «Юг Тихого океана»¹. Или считает ли симпатичный юноша, с которым вы играете в теннис, что ваша попа выглядит соблазнительно в спортивной юбочке фирмы *Lacoste*. Или – еще лучше – не пришлось бы гадать, разозлилась ли на вас лучшая подруга за то, что на новогодней вечеринке вы с лукавой улыбкой оставили ее ради сексапильного старшечки. Заглянув ей в голову, вы тотчас же получили бы ответ на свой вопрос.

К сожалению, людские головы заперты крепче, чем Пентагон. Иногда ход своих мыслей человек выдает поведением: например, режиссер, отвечающая за подбор актеров, поморщилась, когда вы не взяли высокое ля-диез; а лучшая подруга отвечала ледяным молчанием на все эсэмэски, что вы присылали ей первого января. Но чаще самые явные признаки остаются незамеченными. Например, четыре года назад некий роузмудский золотой мальчик намекал, что в его гадкой головке обитают ужасные мысли, но никто и бровью не повел.

Между тем, обрати кто-нибудь на это внимание, возможно, одна красивая девочка осталась бы жива.

* * *

Велопарковка у роузмудской частной школы была переполнена разноцветными велосипедами с двадцатью одной скоростью. Здесь стоял также *Trek*² – модель ограниченного выпуска, – который отец Ноэля Кана приобрел непосредственно у агента Лэнса Армстронга³, и сияющий розовый скутер фирмы *Razor*. Через несколько секунд прозвенел звонок с последнего урока, и во двор высыпали шестиклассники. Кудрявая девочка вприпрыжку подбежала к велопарковке, нежно погладила скутер и принялась отстегивать с руля ярко-желтый замок в форме подковы.

Взгляд ее упал на объявление, трепыхавшееся на каменной стене.

– Девчонки, – окликнула она трех своих подруг, торчавших у фонтанчиков. – Скорей сюда.

– Что там у тебя, Мона? – спросила Фи Темплтон, раскручивая свою новую игрушку йо-йо, сделанную в форме бабочки.

– Смотрите! – И Мона Вондервол показала на объявление.

– Ух ты! – Чесси Бледсоу сдвинула на переносицу очки модели «кошачий глаз» в фиолетовой оправе.

Дженна Кавано прикусила розовый, как у младенца, ноготок.

– Грандиозно, – протянула она высоким мелодичным голоском.

Порыв ветра поднял несколько листьев из аккуратно сметенной кучи. Стояла середина сентября, учебный год начался несколько недель назад, и осень официально вступила в свои

¹ «Юг Тихого океана» (South Pacific) – мюзикл, созданный Ричардом Роджерсом и Оскаром Хаммерстайном (премьера состоялась в 1949 г.) по мотивам романа Джеймса Микенера (1907–1997) «Сказания Юга Тихого океана» (Tales of South Pacific, 1947 г.).

² *Trek* – американская компания, один из крупнейших производителей велосипедов. Основана в 1976 г.

³ Лэнс Армстронг (род. в 1971 г.) – американский шоссейный гонщик, единственный спортсмен, семь раз финишировавший первым в общем зачете «Тур де Франс» (1999–2005).

права. В это время года туристы со всего Восточного побережья съезжались в Роузвуд, штат Пенсильвания, чтобы полюбоваться на восхитительные наряды деревьев, багряные, оранжевые, желтые и пурпурные. В воздухе словно было разлито нечто, придающее особое величие не только листве, но вообще всему в городе. Золотистым ретриверам с лоснящейся шерстью, которые резвились на аккуратных собачьих площадках. Розовощеким малышам в детских колясках *Burberry*. И крепким, пышущим здоровьем игрокам, упражняющимся на футбольных полях роузвудской частной школы – самого почтенного учебного заведения в городе.

Ария Монтгомери наблюдала за Моной и остальными со своего любимого местечка на низкой каменной стене. На коленях у нее лежал открытый молескин. В этот день последним уроком у Арии было ИЗО, и учительница, миссис Кросс, отпустила ее с занятий, сказав, что она может бродить по школе и рисовать все, что вздумается. Свое решение миссис Кросс мотивировала тем, что Ария – превосходный художник, но девочка подозревала, что причина тут другая: в ее присутствии учительница испытывала неловкость. Что ни говори, Ария была единственной ученицей в классе, которая не болтала с подругами во время показа слайдов и не кокетничала с мальчишками, когда они рисовали натюрморты пастелью. Ария и сама жалела, что у нее нет подруг, но разве это повод удалять ее из класса?

Следующим объявление увидел Скотт Чин, еще один шестиклассник.

– Мило. – Он повернулся к своей подружке Ханне Марин, возившейся с новеньким серебряным браслетом в виде незамкнутого кольца, который на днях купил ей отец – в качестве извинения за то, что «они с мамой опять поругались». – Хан, смотри! – Скотт ткнул подругу локтем под ребра.

– Прекрати, – рассердилась Ханна, отстранившись от него. Она почти не сомневалась в том, что Скотт – гей, ведь листать журнал *Teen Vogue* он обожал больше ее, но Ханна терпеть не могла, когда друг прикасался к ее отвратительно рыхлому животу. Взглянув на объявление, она в удивлении вскинула брови: – Хм.

Мимо проходили Спенсер Хастингс и Кирстен Каллен. Разговаривая о Молодежной лиге по хоккею на траве, они едва не налетели на тупицу Мону Вондервол, чей скутер перегородивал дорожку. Потом Спенсер заметила объявление, и у нее вытянулось лицо.

– Завтра?

Эмили Филдс тоже едва не прошла мимо, если бы Джемма Карран, ее близкая подруга, с которой они вместе занимались плаванием, не увидела объявление.

– Эм! – воскликнула она, указывая на листок.

Эмили пробежала глазами текст и поежилась от волнения.

Теперь уже почти все шестиклассники роузвудской школы собрались у велопарковки, пляясь на бумажный листок. Ария прыгнула с низенькой стенки и, щурясь, прочитала надпись, сделанную большими печатными буквами.

«Завтра стартует «Капсула времени»! Готовьтесь! Вам представился шанс увековечить свое имя!»

Угольный карандаш выскользнул из пальцев Арии. Игра «Капсула времени» была традицией со дня основания роузвудской частной школы в 1899 году. К участию в ней допускались ученики не младше шестого класса. Соответственно для тех, кто впервые получал такой допуск, это становилось важной вехой, переходом на новый этап взросления – как для девочки покупка первого бюстгальтера в *Victoria's Secret*... или для мальчика – возможность впервые полистать каталог женского нижнего белья.

Правила игры знали все – они передавались из поколения в поколение, от старших братьев и сестер к младшим, излагались в блогах, были нацарапаны на титульных страницах библиотечных книг. Ежегодно администрация разрезала школьный флаг на лоскуты, которые специально отобранные старшеклассники прятали по всему городу. После этого

в вестибюле школы вывешивали зашифрованные ключи, подсказывавшие, где находится та или иная частичка знамени. Учеников, нашедших эти фрагменты, чествовали на общешкольном собрании, и они получали право декорировать находки на свое усмотрение. Затем все лоскуты сшивали воедино и укладывали в «Капсулу времени» – контейнер, который закапывали за футбольным полем. Стоит ли говорить, что обнаружение куска знамени считалось эпохальным событием?

– Ты играешь? – спросила Джемма, застегивая до подбородка спортивную куртку с эмблемой команды пловцов клуба Верхнего Мейн-Лайна⁴ при Ассоциации молодых христиан⁵.

– Наверное. – Эмили нервно рассмеялась. – Думаешь, стоит попытаться? Говорят, под сказки всегда прячут в здании старшей школы. А я там была всего-то пару раз.

Ханна думала о том же. В здании старшей школы она не была *никогда*. Все там вселяло в нее страх – особенно красивые старшеклассницы. Всякий раз, когда она с мамой заходила в универмаг *Saks* в торговом центре *King James*, у витрины отдела косметики неизменно толпились девчонки из школьной группы поддержки. Ханна всегда украдкой разглядывала их, прячась за вешалками с одеждой. Разглядывала и восхищалась. Ах, как же здорово сидят на них джинсы с низкой посадкой! А какие у них чудесные волосы – длинные, прямые, блестящие! И кожа гладкая, бархатистая, без единого изъяна – никакой крем-пудры не надо! Каждый вечер перед сном Ханна молилась о том, чтобы назавтра проснуться такой же красивой, как роузвудские старшеклассницы. Но утром из зеркала в форме сердечка на нее смотрела все та же Ханна с волосами неопределенного цвета, прыщавой кожей и руками-сосисками.

Кирстен, нечаянно услышав слова Эмили, шепнула Спенсер:

– У тебя хоть Мелисса есть. Может быть, ей поручили спрятать один из лоскутов.

– Я бы уже об этом знала, – замотала головой Спенсер. Оказаться в числе тех, кому поручили спрятать частички флага, было столь же почетно, как и найти одну из них. А сестра Спенсер, Мелисса, любила похвастать тем, как много у нее в школе важных обязанностей – особенно когда они всей семьей играли в игру *Star Power*, во время которой по очереди докладывали о своих самых выдающихся достижениях за день.

Массивные двустворчатые двери распахнулись, и во двор высыпали остальные шестиклассники, среди них – компания девочек, словно сошедших со страниц каталога *J. Crew*. Ария поспешила снова забраться на каменную стену, притворившись, что рисует. Ни с одной из этих девчонок она не желала встречаться глазами: на днях Наоми Зиглер, заметив ее взгляд, съязвила: «Что, влюбилась в нас?» Ведь они считались элитой шестого класса, образцовыми роузвудцами, как окрестила их Ария.

Образцовые роузвудцы жили за высокими заборами: в особняках, обширных поместьях или роскошных перестроенных амбарах с конюшнями и гаражами на десять машин. Все образцовые роузвудцы были словно из инкубатора: мальчики играли в футбол и очень коротко стригли волосы; девочки одинаково смеялись, пользовались одними и теми же оттенками помады *Laura Mercier*, придававшей пухлость губам, и носили сумки с логотипом *Dooney & Bourke*. Для Арии все они – что мальчишки, что девчонки – были на одно лицо.

За исключением Элисон ДиЛаурентис. Ее невозможно ни с кем спутать.

И сейчас именно Элисон шла по каменной дорожке, уверенно ступая в своих туфлях на высоченной платформе. Белокурые волосы струились у нее по спине, а голубые глаза ярко блестели. Две ее ближайшие наперсницы, Наоми Зиглер и Райли Вулф, шли позади,

⁴ Верхний Мейн-Лайн (Upper Main Line) – один из пригородов Филадельфии.

⁵ Ассоциация молодых христиан (Young Men's Christian Association – YMCA) – неполитическая международная организация. Американское отделение основано в 1851 г. в Бостоне. Занимается организацией досуга и обучением молодежи.

не отставая ни на шаг. С тех пор как Элисон в третьем классе перевелась в роузвудскую частную школу, все здесь преклонялись перед ней.

Дойдя до Эмили и остальных пловчих, Эли внезапно остановилась. Эмили испугалась, что она *опять* начнет глумиться над их испорченными хлоркой сухими волосами с зеленоватым отливом, но внимание Элисон было занято другим. Лукавая улыбка заиграла на ее губах, когда она прочитала объявление. Резким движением девочка сдернула со стены листок и повернулась к подругам.

– Сегодня вечером мой брат спрячет один из лоскутов флага, – заявила она во всеуслышание. – А куда – скажет мне. Он обещал.

Шестиклассники зашептались. Ханна кивнула с благоговением: Элисон она восхищалась еще больше, чем старшеклассницами из группы поддержки. Спенсер, напротив, закипела. Брат Эли не вправе *сообщать* сестре, куда он спрятал частичку «Капсулы времени». Это нечестно! Угольный карандаш в руке Арии яростно заплясал по листу блокнота, а сама она не сводила взгляда с лица Эли в форме сердца. Стойкий ванильный аромат духов Элисон щекотал нос Эмили – это было божественно, будто она стояла в дверях пекарни.

Хвастливые речи Эли прервали старшеклассники, которые начали спускаться по величественной каменной лестнице здания своей школы – на противоположной стороне двора. Мимо шестиклассниц неторопливо и с надменным видом шествовали высокие девицы и лощенные парни, направляясь к своим машинам на отдельной автостоянке. Эли с невозмутимым выражением лица смотрела на них, обмахиваясь сорванным со стены объявлением. Двое тщедушных десятиклассников в белых наушниках от айфона смутились под ее взглядом, отстегивая от велопарковки свои десятискоростные велосипеды. Наоми и Райли усмехнулись, глядя на них.

Потом один рослый светловолосый одиннадцатиклассник, заметив Элисон, остановился и спросил:

– Что вылупилась, Эл?

– Да так. – Эли, поджав губы, приосанилась. – А ты что уставился, *Ии*?

Скотт Чин пихнул локтем Ханну, и та покраснела. Йен Томас – *Ии* – имел яркую внешность, загорелое лицо, волнистые светлые волосы и поразительные орехового оттенка глаза. Он числился вторым в ее списке непревзойденных красавчиков, сразу же после Шона Эккарда, в которого Ханна была влюблена с третьего класса, с тех пор, как они играли в кикбол за одну команду. Непонятно, откуда Йен и Эли знали друг друга, но ходили слухи, что старшеклассники приглашали Элисон на свои вечеринки для избранных, хоть она и была гораздо младше.

Йен прислонился к велосипедной стойке.

– Ты говорила, будто знаешь, где находится один из лоскутов «Капсулы времени»? Я не ослышался?

Щеки Эли вспыхнули.

– А что? Завидуешь? – Она дерзко улыбнулась парню.

Йен покачал головой:

– На твоём месте я бы помалкивал. А то украдут твою находку. Это ведь часть игры, ты знаешь.

Эли рассмеялась, словно сама эта идея выглядела абсолютно невероятной, но на лбу у нее пролегла морщинка. Йен сказал правду: кража лоскутов считалась вполне законной, это было зафиксировано в официальном своде правил «Капсулы времени», который директор школы Эпплтон держал под замком в ящике своего стола. В минувшем году девятиклассник-гот стянул лоскут, торчавший из сумки члена команды двенадцатиклассников. Двумя годами ранее восьмиклассница из школьного оркестра пробралась тайком в танцевальную студию и украла *два* лоскута у двух балерин. Так называемое Положение о краже фактиче-

ски уравнивало шансы на успех всех участников игры: если тебе не хватало ума разгадать зашифрованные подсказки, позволявшие определить местонахождение лоскутов, ты вполне мог оказаться достаточно хитрым, чтобы утащить лоскуток из шкафчика соперника.

Спенсер смотрела на встревоженное лицо Эли, и в голове у нее постепенно созревала интересная мысль: «Нужно украсть у Элисон ее лоскут». Ведь остальные шестиклассники и пальцем не шевельнут, чтобы помешать ей добыть частичку флага *обманным путем*, и никто из них не осмелится отнять находку. А Спенсер надоело, что Эли все получает на блюдечке.

Такая же идея посетила и Эмили. «А что, если украсть лоскут у Эли?» – думала она, трепеща от чувства, которому не находила названия. Что скажет Эли, если подкараулить ее одну и прижать к стенке?

«А я смогла бы украсть кусок флага у Элисон?» Ханна кусала и без того уже обгрызенный ноготь. Но... она ведь в жизни ни у кого ничего не крала. А если совершит это, пригласит ли Элисон Ханну в свой ближний круг?

«Наверное, здорово было бы украсть лоскут у Эли», – думала и Ария, продолжая рисовать. Только представьте, образцовая роуэвудка низвергнута с трона обычной девчонкой... такой, как Ария Монтгомери. Бедняжке Эли придется искать другой лоскут, причем делать это по-настоящему, разгадывая зашифрованные подсказки. Хоть в кои-то веки напряжет мозги.

– Этого я не боюсь, – нарушила молчание Эли. – У меня никто не посмеет отнять. Как только я найду лоскут, он все время будет при мне. – Она кокетливо улыбнулась Йену и, взмахнув подолом юбки, добавила: – Чтобы забрать его, придется меня убить.

– Ну, если иначе нельзя... – протянул Йен, подаваясь вперед всем телом.

У Эли дернулся глаз, она побледнела. Усмешка на губах Наоми Зиглер угасла. Зловещее выражение мелькнуло на лице Йена, но он тут же сверкнул своей неотразимой улыбкой, словно говоря: «Шучу».

Кто-то кашлянул, заставив Йена с Элисон оглянуться. Брат Эли, Джейсон, сойдя с лестницы, прямоком шел к ним. Он набычился и плотно сжал губы – очевидно, слышал разговор сестры с Томасом.

– Что ты сейчас сказал? – Джейсон встал перед Йеном. Порыв ветра взъерошил золотистые волосы, падавшие ему на лоб.

– Ничего, – ответил Йен, раскачиваясь взад-вперед в своих черных кедах. – Мы просто дурачились.

– Дурачились, говоришь? – Взгляд Джейсона потемнел.

– Джейсон! – негодуяюще шикнула на брата Эли, вставая между парнями. – Что на тебя нашло?

Джейсон сердито посмотрел на сестру, потом на объявление в ее руке и снова перевел взгляд на Йена. Остальные озадаченно переглядывались, не зная, что и думать: парни сцепились из-за пустяка или есть более серьезная причина? Йен и Джейсон были одного возраста, вместе играли в школьной футбольной команде. Может, Джейсон хочет взять реванш за то, что Йен лишил его возможности забить гол во вчерашнем матче против школы Притчард?

Не дождавшись ответа от Йена, Джейсон опустил руки и хлопнул себя по бокам.

– Что ж, ладно. – Он резко развернулся, быстро дошел до черного седана выпуска конца шестидесятых, заехавшего на автобусную полосу, и сел на переднее сиденье. – Погнали, – велел Джейсон водителю, захлопывая дверцу машины. Автомобиль затарахтел, выпустил облако ядовитых выхлопных газов и с визгом рванул от обочины. Йен пожал плечами и, победоносно улыбаясь, удалился.

Эли провела ладонями по волосам. Секунду ее лицо выглядело растерянным, как будто что-то вышло из-под контроля, но девушка быстро оправилась от замешательства.

– Ну что, идем ко мне, понежимся в джакузи? – оживленным голосом предложила она своей свите, беря под руку Наоми. Подруги пошли к лесу позади школы, чтобы срезать путь к дому ДиЛаурентисов. Из бокового кармана желтой сумки Эли торчал знакомый листок бумаги. «Завтра стартует «Капсула времени», – гласила надпись на нем. – Готовьтесь».

Действительно, пора готовиться.

* * *

Спустя несколько коротких недель, после того как почти все частички «Капсулы времени» были найдены и закопаны, круг приближенных Элисон поменялся. В одночасье ее всегдашние подпевалы были изгнаны, а их место заняли другие. У Эли появились четыре новые лучшие подруги: Спенсер, Ханна, Эмили и Ария.

Ни одна из них не задалась вопросом, почему из всех шестиклассниц Эли выбрала именно их, – боялись спугнуть свое счастье. Правда, время от времени они вспоминали некоторые моменты своего существования «до Элисон» – какими несчастными и потерянными себя чувствовали, как были уверены в том, что в школе их всегда будут считать серыми мышками. И вспоминали другие особенные моменты, например, день, когда было объявлено о старте «Капсулы времени». Раз или два вспомнили слова Йена, обращенные к Эли и на удивление встревожившие ее. Обычно Эли мало что трогало.

Однако чаще всего девчонки отмахивались от подобных мыслей – куда приятнее мечтать о будущем, чем копаться в прошлом. Теперь они слыли элитой роузвудской частной школы, а такая репутация налагала определенные обязательства. Впереди их ждали отличные времена!

Но, может быть, не следовало им так быстро забывать тот день. А Джейсон должен был активнее заботиться о безопасности сестры. Ведь всем известно, что случилось. Каких-то полтора года спустя Йен исполнил свою угрозу.

Он на самом деле убил Элисон.

1

Умерла и похоронена

Откинувшись на спинку красно-коричневого кожаного дивана, Эмили Филдс наматывала на большой палец прядь своих иссушенных хлоркой волос. Рядом с ней сидели, потягивая горячий шоколад из полосатых керамических кружек, ее бывшие лучшие подруги – Ария Монтгомери, Спенсер Хастингс и Ханна Марин. Все они находились в домашнем киносалоне Хастингсов – комнате с огромным двухметровым телевизором и акустической системой с объемным звуком. На журнальном столике стояла большая корзинка с кукурузными чипсами, но к ним никто не притронулся.

Напротив подруг, на узком клетчатом диванчике, сидела женщина по имени Мэрион Грейвс, державшая на коленях свернутый пакет для мусора. Трое из девочек были одеты в потертые джинсы и кашемировые свитера, Ария – в поношенную джинсовую мини-юбку поверх легинсов томатного цвета; наряд Мэрион состоял из дорогого на вид синего шерстяного блейзера и плиссированной юбки из той же материи. Ее темно-каштановые волосы отливали блеском, от кожи исходил запах лавандового лосьона.

– Итак. – Мэрион улыбнулась Эмили и остальным. – В прошлый раз я попросила вас принести некие предметы. Давайте выложим их все на журнальный столик.

Эмили достала розовый кошелек из лакированной кожи с монограммой в виде замысловатой буквы «Э» на кармашке. Ария полезла в свою мохнатую сумочку из шкуры яка и извлекла мятый пожелтевший рисунок. Ханна бросила на стол сложенный листок бумаги – очевидно, записку. А Спенсер бережно положила черно-белую фотографию и потрепанный синий веревочный браслет. Глаза Эмили наполнились слезами: этот браслет она узнала сразу. Эли сделала по одному такому для каждой из них в то лето, когда произошла трагедия с Дженной. Браслеты символизировали нерасторжимость их дружбы, напоминая, что ни одна живая душа не должна знать, как они нечаянно ослепили Дженну Кавано. Тогда подруги даже не подозревали, что на самом деле инцидент с Дженной – вовсе не их собственный тщательно оберегаемый секрет, а тайна, в которую Эли *их* не посвятила. Как оказалось, Дженна сама попросила Элисон устроить фейерверк, чтобы подставить своего сводного брата Тоби. Это, как и многие другие кошмарные факты, стало известным уже после гибели Эли.

Эмили проглотила комок в горле. Свинцовый шар, образовавшийся в ее груди еще в сентябре, снова дал о себе знать.

Был первый день нового года. Завтра им предстояло снова идти в школу, и Эмили молилась, чтобы грядущий семестр выдался более спокойным, чем предыдущий. В первый учебный день одиннадцатого класса, практически в ту же минуту, как они прошли через каменную арку роузвудской частной школы, каждая из них получила сообщение за подписью некоего «Э». Поначалу девочки думали (а Эмили *надеялась*), что «Э» – это, возможно, Элисон, их давно пропавшая лучшая подруга, но потом рабочие обнаружили ее тело в зацементированной яме во дворе дома, где некогда жила семья ДиЛаурентисов. Анонимные послания, в которых содержались намеки на самые сокровенные тайны подруг, продолжали приходить, а спустя два головокружительных месяца выяснилось, что «Э» – это Мона Вондервол. В средней школе Мона слыла туповатой. Помешанная на телепередаче «Фактор страха», она постоянно шпионила за Эмили, Эли и остальными во время ночных девичников, которые девчонки регулярно устраивали по пятницам. Однако сразу же после исчезновения Элисон Мона превратилась в королеву – и стала лучшей подругой Ханны. Этой осенью Мона украла дневник Эли, вычитала в нем все секреты ее подруг, которые Эли ста-

рательно записывала, и принялась разрушать их судьбы за то, что они, по убеждению Моны, сломали ей жизнь. Мало того что они глумились над ней, так еще по их милости на теле Вондервол остались ожоги от фейерверка, ослепившего Дженну. В тот вечер, когда Мона сорвалась в карьер, – едва не утащив за собой в бездну Спенсер, – полиция арестовала Йена Томаса, возлюбленного Элисон. Он был старше ее, и свои отношения с ним Эли держала в глубочайшей тайне. Йена обвиняли в ее убийстве, и в конце этой недели ожидалось начало судебного процесса, на котором Эмили вместе с подругами предстояло давать показания против него. Выходить на свидетельскую трибуну Эмили было в миллион раз страшнее, чем исполнять соло на школьном праздничном концерте, но по крайней мере это означало, что происходящий с ними кошмар наконец-то закончится.

На четырех юных подруг свалилось слишком много суровых испытаний, поэтому их родители решили прибегнуть к помощи профессионала. И тогда появилась Мэрион, лучший в Филадельфии специалист по оказанию психологической помощи в тяжелых жизненных ситуациях. Девочки встречались с ней третье воскресенье подряд. На этом сеансе психотерапии перед ними стояла задача освободить свое сознание от пережитого ужаса.

Глядя на предметы, выложенные на стол, Мэрион разгладила юбку на коленях.

– Все эти вещи напоминают вам об Элисон, верно?

Подруги кивнули. Мэрион раскрыла мусорный пакет.

– Бросайте все сюда. После моего ухода вы закопаете этот пакет на заднем дворе дома Спенсер. Этот ритуал ознаменует символические похороны Элисон. А вместе с ней вы похороните весь тот губительный негатив, что окружал вашу с ней дружбу.

Мэрион постоянно пересыпала свою речь фразами в духе учений «Нью Эйдж»⁶: *губительный негатив, духовная потребность покончить с прошлым, не поддаваться горю*. На предыдущем сеансе им пришлось снова и снова хором скандировать: «Гибель Эли – не моя вина» – и пить вонючий чай, призванный «очистить» их чакры от чувства вины. Мэрион требовала, чтобы они и перед зеркалом повторяли нечто вроде: «Э» умерла и никогда не вернется» или «Никто больше не стремится навредить мне». Эмили страстно желала, чтобы заклинания работали: ей очень хотелось, чтобы жизнь возвратилась в привычную колею.

– Итак, встаем, – распорядилась Мэрион, держа на вытянутых руках раскрытый пакет. – И за дело.

Подруги поднялись со своих мест. Эмили смотрела на розовый кошелек, который подарила ей Элисон в шестом классе, когда они подружились, и чувствовала, как у нее дрожит нижняя губа. Лучше бы она принесла на этот сеанс очищения что-то другое – например, одну из старых школьных фотографий Эли, их у нее миллион. Мэрион, не отрывая взгляда от Эмили, дернула подбородком, показывая на пакет. Всклипнув, Эмили опустила в него кошелек.

Ария взяла со стола свой карандашный набросок – изображение Эли, стоявшей у школы.

– Я нарисовала это еще до того, как мы стали подругами.

Спенсер подняла со столика браслет, подаренный Эли после происшествия с Дженной, подняла осторожно, двумя пальцами, словно он был измазан соплями.

– Про-щай, – прошептала она решительно.

Ханна, закатив глаза, бросила в пакет сложенный листок бумаги. Что это такое, она не потрудилась объяснить.

⁶ Нью Эйдж (New Age – букв. «новая эра»), религии «нового века» – общее название совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера.

Эмили смотрела, как Спенсер взяла черно-белую фотографию – на снимке Эли стояла рядом с Нозлем Каном, совсем еще юным. Они оба смеялись. Фотография показалась Эмили знакомой, и она схватила Спенсер за руку, не давая ей бросить снимок в пакет.

– Откуда у тебя это?

– Из школьного ежегодника. Еще когда я была в редколлегии, – смущенно призналась Спенсер. – Помнишь, готовилась фотовыставка в память об Элисон? Этот снимок валялся на полу в монтажной.

– Не выбрасывай, – попросила Эмили, игнорируя суровый взгляд Мэрион. – Она здесь так хорошо получилась.

Спенсер вскинула брови, но без лишних слов положила фотографию на столик из красного дерева, где стояла большая модель Эйфелевой башни из кованого железа. Эмили переживала гибель Эли тяжелее, чем остальные подруги. Лучшего друга, чем Элисон, у нее никогда не было – ни до, ни после. К тому же Эли была первой любовью Эмили, первой девочкой, с которой она поцеловалась. Эмили вообще не хотела участвовать в этих символических похоронах. Ее вполне устраивало, что вещи, напоминающие ей об Эли, лежат на тумбочке у кровати. Пусть бы и лежали там вечно.

– Ну что, все? – Поджав ярко накрашенные губы, Мэрион туго затянула пакет и передала его Спенсер. – Обещайте, что закопаете. И вам сразу станет легче. Честное слово. И, думаю, девочки, вам следует собраться вместе во вторник. Ясно? Это ваша первая неделя после каникул, хочу, чтобы вы держались вместе, справлялись друг о друге. Выполните мою просьбу?

Девочки хмуро кивнули. Вслед за Мэрион они прошли в большой мраморный зал Хастингсов, оттуда – в холл. Мэрион попрощалась, села в свой синий *Range Rover* и включила дворники, чтобы расчистить снег с лобового стекла.

В холле раздался бой высоких напольных часов. Спенсер заперла дверь и повернулась к подругам. На ее руке болтался черный мусорный пакет с красными завязками.

– Ну что? – произнесла она. – Будем закапывать?

– Где? – тихо спросила Эмили.

– Может, у амбара? – предложила Ария, ковыряя дырку на своих красных легинсах. – По-моему, подходящее место. Там мы в последний раз... ее видели.

Эмили кивнула, чувствуя, как у нее сдавило горло.

– Ханна, а ты что думаешь?

– Как скажете, – буркнула та, словно жалела, что вообще пришла.

Подруги надели пальто и сапоги и потопали по снегу на задний двор. Шли молча. Благодаря ужасным посланиям «Э» они снова сблизились, однако после того как Йену было официально предъявлено обвинение в суде, Эмили мало общалась с девочками. Она пыталась организовать их совместные вылазки в торговый центр *King James* и даже, в перерывах между уроками, посиделки в школьной кофейне под названием «Заряд бодрости», но остальные на ее усилия реагировали без энтузиазма. Эмили подозревала, что они избегают друг друга по тем же причинам, которые вынудили их разойтись в разные стороны после исчезновения Эли: в одной компании им становилось не по себе.

Справа находился дом, принадлежавший раньше ДиЛаурентисам. Деревья и кустарники, отделявшие их двор от участка Хастингсов, стояли голые; заднее крыльцо обледело. Обочина перед домом, утыканная свечами, заваленная цветами, мягкими игрушками и фотографиями, все еще оставалась местом поклонения Элисон, но фургоны новостийщиков и съемочные группы, целый месяц стоявшие там лагерем после того, как было обнаружено тело, слава богу, исчезли. Сейчас телерепортеры и прочие представители СМИ околачивались вокруг здания роузвудского суда и тюрьмы округа Честер в надежде добыть новые сведения о предстоящем судебном процессе по делу Йена Томаса.

Дом теперь занимала семья Майи Сен-Жермен, бывшей возлюбленной Эмили. На подъездной аллее стоял их внедорожник *Acura* – значит, они вернулись в свое жилище, от которого старались держаться подальше, пока длилось представление, устроенное журналистами. У Эмили болезненно сжалось сердце, едва она увидела яркий венок на входной двери и мусорные мешки, набитые упаковочной бумагой от рождественских подарков, на обочине. Они с Майей обсуждали, что подарить друг другу на Рождество. Майя мечтала о наушниках, как у диджея; Эмили хотела получить в подарок айпод. Она не жалела о расставании с Майей, но было непривычно ощущать, что теперь их ничто не связывает.

Остальные ушли вперед, уже выходили на задний двор, граничивший с участком ДиЛаурентисов. Эмили припустила за ними трусцой, носками сапог загребая грязную кашку под ногами. Слева стоял амбар Спенсер – место проведения их самого последнего ночного девичника. За ним начинался густой лес, простиравшийся более чем на милю. Справа от амбара, во дворе, зиял наполовину вырытый котлован, где было найдено тело Эли. Желтая лента, которой полицейские оградил место обнаружения трупа, в отдельных местах упала и теперь была почти погребена под снегом, но вокруг виднелось множество свежих следов, вероятно, оставленных любопытными зеваками.

Эмили со страхом взглянула на яму. Какая *темная*. Ее глаза наполнились слезами. Она представила, как Йен жестоко сталкивает Эли в котлован и оставляет ее там умирать.

– Кошмар, да? – тихо заметила Ария, тоже смотревшая на яму. – Все это время Эли была здесь.

– Хорошо, что ты вспомнила, Спенс, – сказала Ханна, ежась от холода. – А то Йен и сейчас гулял бы на свободе.

Ария побледнела и выглядела обеспокоенной. Эмили кусала ноготь. В день, когда арестовали Йена, они сообщили полиции, что вся информация о событиях того далекого вечера содержится в дневнике Элисон: согласно самой последней записи во время «пижамной вечеринки», которой подруги решили отметить окончание седьмого класса, она планировала встретиться с Йеном, своим тайным возлюбленным. Эли поставила Йену ультиматум: либо он порывает с сестрой Спенсер, Мелиссой, либо она предает огласке их отношения.

Но главным аргументом для полиции послужило свидетельство Спенсер, наконец-то вспомнившей подробности того вечера, которые она на протяжении многих лет блокировала в своем сознании. После ссоры со Спенсер, произошедшей у амбара Хастингсов, Эли побежала на встречу к кому-то – как потом выяснилось, к Йену. С тех пор ее больше никто не видел, и все резонно предположили, чем окончилось то свидание. Эмили никогда не забудет, как Йен неровным шагом вошел в зал судебных заседаний и посмел заявить о своей непричастности к убийству Эли. После того как судья распорядился оставить обвиняемого под стражей до предварительного слушания, лишив его права быть отпущенным под залог, и полицейские повели Йена из зала, он обжег подруг злым взглядом, словно говоря: «Вы, девочки, связались не с тем человеком». Он явно считал, что арестован из-за них.

Эмили всхлипнула, и Спенсер наградила ее суровым взглядом.

– *Прекрати*. Наша задача – забыть про Йена... и про все остальное. – Она остановилась в глубине заднего двора, еще ниже натягивая на лоб шапку с вязаными ушами. – Здесь нормально?

Эмили согревала пальцы своим дыханием, остальные молча кивнули. Лопатой, которую она прихватила из гаража, Спенсер принялась выковыривать комья из мерзлой земли. Выкопав достаточно глубокую яму, она бросила туда мусорный пакет. Он тяжело плюхнулся вниз. Вчетвером они забросали яму землей и снегом.

– Итак? – Спенсер оперлась на лопату. – Скажем что-нибудь?

Подруги переглянулись.

– Прощай, Эли, – наконец промолвила Эмили. Глаза наполнились слезами, наверное, в миллионный раз за месяц.

Ария глянула на нее и улыбнулась.

– Прощай, Эли, – повторила она и посмотрела на Ханну. Та, пожав плечами, тоже произнесла:

– Прощай, Эли.

Ария взяла Эмили за руку, и она испытала... облегчение. Узел в животе развязался, из шеи ушло напряжение. И воздух вдруг стал таким благоуханным, словно был напоен ароматом свежих цветов. Эмили почувствовала, что Эли – милая, чудесная Эли из ее воспоминаний – сейчас здесь, с ними, говорит, что все будет хорошо.

Эмили обвела взглядом подруг. Их лица освещали безмятежные улыбки, будто они тоже что-то почувствовали. Возможно, Мэрион была права, и ритуал символического погребения действительно сотворил чудо. Пришла пора оставить в прошлом события ужасной осени; убийца Эли пойман, кошмар, устроенный «Э», позади. Осталось только ждать более спокойного и счастливого будущего.

Солнце быстро опускалось за кроны деревьев, окрашивая небо и снежные сугробы в молочно-лавандовый цвет. На ветру медленно вращались крылья мельницы Хастингсов. У большой сосны затеяли возню белки. «Если одна из белок взберется на дерево, отныне в моей жизни будут царить мир и покой», – загадала Эмили, вспомнив игру в приметы, которую знала много лет. И только она так подумала, как одна из белок запрыгнула на сосну и помчалась по стволу на самый верх.

2

Мы – одна семья

Полчаса спустя Ханна Марин влетела к себе домой, прижала к груди миниатюрного добермана Кроху и, швырнув на диван в гостиной сумочку из змеиной кожи, крикнула:

– Простите, опоздала.

В кухне витали запахи томатного соуса и чесночного хлеба. Отец Ханны, его невеста Изабель и ее дочь Кейт уже сидели в столовой. В центре обеденного стола стояли керамические миски с пастой и салатом, перед пустым стулом Ханны – тарелка с резными краями, салфетка и высокий бокал с минеральной водой *Perrier*. На Рождество – буквально через несколько секунд после того, как мама Ханны вылетела в Сингапур, к новому месту работы, – Изабель заявила, что каждый воскресный ужин будет проходить в столовой, в особой «семейной» атмосфере.

Ханна плюхнулась на свое место, стараясь не замечать обращенных на нее взглядов. Отец улыбался ей. Изабель корчила гримасы – то ли силилась не пукнуть, то ли выражала разочарование тем, что Ханна опоздала на семейный ужин. Кейт, напротив, склонив голову набок, смотрела на нее с жалостью. И Ханна точно знала, кто из них заговорит первым.

Кейт пригладила свои раздражающе прямые каштановые волосы и округлила глаза.

– Встречалась с психологом?

Динь-динь-динь!

– Угу. – Ханна с жадностью приникла к бокалу с водой, отпив огромный глоток.

– И как все прошло? – спросила Кейт, имитируя интонации Опры Уинфри. – Помогает?

Ханна презрительно фыркнула. Честно говоря, она считала встречи с Мэрион полнейшей ерундой. Может быть, остальным девочкам и удастся жить как ни в чем не бывало после гибели Эли и «Э», но ведь она-то потеряла не одну лучшую подругу, а сразу двух. Каждую минуту что-нибудь напоминало ей о Моне: когда она выпускала Кроху побегать на обледелый задний двор в клетчатом жакете *Burberry*, подаренном Моной ему на день рождения в минувшем году. Когда открывала большой стенной шкаф и видела серебристую юбочку *Jill Stuart*, которую взяла у Моны поносить, но так и не вернула. Когда смотрела в зеркало, пытаясь повторять дурацкие заклинания Мэрион, и видела серьги-капельки, вместе с подругой украденные в магазине *Banana Republic* прошлой весной. Видела она и еще кое-что: блеклый зигзагообразный шрам на подбородке от раны, полученной, когда Мона сбила ее на своем внедорожнике. Это произошло после того, как Ханна сообщила, что Мона Вондервол – это «Э».

Девушке очень не нравилось, что ее будущая сводная сестра знала в подробностях о событиях этой осени, особенно то, что Ханну пыталась убить лучшая подруга. Правда, об этом знал весь Роузвуд – благодаря местным СМИ. К тому же (и это было самым невероятным) всю страну захлестнула анонимомания. Со всех концов приходили сообщения от школьников, получавших послания от некоего «Э», который на проверку оказывался бывшим бойфрендом или завистливым одноклассником. Ханна и сама получила несколько записок от ложного Анонима, но это был просто спам: «Мне известны все твои грязные секреты! Кстати, хочешь приобрести три новые мелодии для телефона за один доллар?» *Полный* идиотизм.

Кейт не сводила взгляда с Ханны, возможно, ожидая, что та начнет изливать душу. Ханна быстро сунула в рот кусок чесночного хлеба и принялась энергично жевать, чтобы избавиться себя от необходимости отвечать. С тех пор как Кейт и Изабель переступили порог ее дома, Ханна запиралась в своей комнате, отправлялась в торговый центр *King James*

или же пряталась у своего парня Лукаса. До гибели Моны отношения у них были неровные, но потом Лукас проявил себя как очень надежный друг. Теперь они стали неразлучны.

Ханна старалась бывать дома как можно меньше, потому что всякий раз, увидев дочь, отец давал ей мелкие поручения, которые следовало выполнять вместе с Кейт: убрать лишнюю одежду из новенького шкафа в комнате Кейт, вынести мусор, расчистить от снега дорожку, ведущую к дому. Ну вот, здравствуйте! А на что тогда домработницы и снегоуборочные службы? Эх, если б эти снегоуборочные службы заодно убрали и Кейт!

– Ну, девочки, рады, что завтра снова в школу? – Изабель намотала на вилку спагетти.

Ханна повела плечом, и правая рука тут же привычно заныла. Она сломала руку при падении, когда Мона сбила ее, – еще одно милое напоминание о том, что дружба с этой девушкой была фикцией.

– Я – безмерно! – воскликнула Кейт. – Сегодня снова просматривала учебный план роузвудской частной школы. Очень насыщенная программа. Они ставят четыре пьесы в год!

Мистер Марин и Изабель просияли. Ханна так крепко стиснула зубы, что у нее свело челюсть. С тех пор как Кейт приехала в Роузвуд, она только и твердила о том, в каком восторге, что будет учиться в частной школе. Ну и пусть себе учится. Школа большая. Ханна планировала никогда с ней там не пересекаться.

– Это не школа, а целый город. – Кейт изящно промокнула губы салфеткой. – Для каждого предмета – свое здание: корпус журналистики, научная библиотека, оранжерея. Да я там просто потеряюсь. – Она намотала на указательный палец прядь своих каштановых волос. – Я буду очень рада, Ханна, если ты проведешь для меня экскурсию.

Ханна чуть не прыснула со смеху. Кейт выразила свою просьбу тоном, более фальшивым, чем солнцезащитные очки *Chanel* за 99 центов в интернет-магазинах. Она и в ресторане *Le Bec-Fin* навязывалась к ней в подруги, и невозможно забыть, чем это обернулось. Когда принесли закуски, Ханна отлучилась в дамскую комнату. Кейт пришла туда следом, такая заботливая, участливая. Ханна растаяла и рассказала ей о сообщении, полученном от «Э»... то есть от Моны. В сообщении говорилось, что Шон Эккард, парень Ханны – во всяком случае, так она думала, – зажигает с другой девчонкой на благотворительном вечере «Фокси». Кейт выразила сочувствие и настояла, чтобы Ханна ушла с ужина, вернулась в Роузвуд и надрала Шону задницу. Даже пообещала, что прикроет ее. Они уже почти сводные сестры, а значит, должны помогать друг другу.

Не тут-то было. Когда Ханна вернулась в Филадельфию, ее ждал сюрприз. Мало того что Кейт проболталась, она еще и наябедничала мистеру Марину о перкоцете⁷ в сумочке Ханны. Отец до того рассердился, что отправил ее к матери... и несколько недель не разговаривал с дочерью.

– Конечно, Ханна все тебе покажет, – поспешил вмешаться мистер Марин.

Ханна сжала под столом кулаки и растерянно произнесла:

– Ой... я с удовольствием, но в школе у меня столько дел!

Отец приподнял брови.

– Ну, тогда, может, перед уроками или во время обеда?

Ханна прикусила губу. *Спасибо, папочка, удружил!* Неужели он забыл, как Кейт оклеветала ее во время того ужасного ужина? Вообще-то, предполагалось, что Ханна с отцом будут там *вдвоем*! Хотя отец иначе смотрит на это. В его представлении, Кейт вовсе не клеветница. Он считает, что она – *идеальна*. Ханна обводила взглядом отца, Изабель и Кейт, чувствуя себя все более и более беспомощной. И вдруг ощутила знакомую щекотку в горле. Отодвинув стул, она встала из-за стола и с тихим стоном поплелась в ванную на нижнем этаже.

⁷ Перкоцет – сильное обезболивающее, наркотическое средство.

Склонившись над раковиной, Ханна тужилась вхолостую и говорила себе: *«Не смей!»* Последние месяцы она вполне успешно обходилась без принудительного очищения желудка, но Кейт действовала на нее, словно спусковой механизм. Впервые Ханна вызвала у себя рвоту, когда гостила у отца, Изабель и Кейт в Аннаполисе. Она приехала с Элисон, и та мгновенно сдружилась с Кейт – красавицы всегда найдут общий язык, – а Ханна только и делала, что горстями запихивала в рот попкорн, чувствуя себя жирной уродиной. Отец обозвал ее поросенком, и это стало последней каплей. Она кинулась в ванную, выхватила из стаканчика на раковине зубную щетку Кейт и с ее помощью принялась извергать из себя содержимое желудка.

Эли вошла в ванную как раз в тот момент, когда Ханна выдавливала из себя рвотные массы по второму разу. Она пообещала не выдать секрет подруги, но с тех пор Ханна многое узнала об Эли. Той было известно немало чужих тайн, и она постоянно плела интриги. Например, сказала Ханне и остальным девочкам, что Дженна пострадала по их вине, хотя на самом деле идея с фейерверком принадлежала самим Элисон и Дженне. Если бы, выйдя из ванной, Эли напрямик вернулась к Кейт и все ей рассказала, Ханну это ничуть бы не удивило.

Через несколько минут тошнота прошла. Девушка сделала глубокий вдох, выпрямилась, достала из кармана свой *BlackBerry* и принялась набирать новое сообщение. *Ты не поверишь! Папа хочет, чтобы я выступила в роли рекламного автофургона перед этой идиоткой Кейт, расписала ей во всех красках нашу школу. Давай завтра утром обсудим это за маникюром-педикюром?*

Листая список контактов, она вдруг сообразила, что ей некому послать эту эсэмэску. Маникюр-педикюр Ханна делала только вместе с Моной.

– Ханна?

Она резко обернулась. Отец, приоткрыв дверь ванной на несколько сантиметров, в беспокойстве морщил лоб.

– Все нормально? – спросил он ласковым тоном, какого Ханна давно уже не слышала.

Мистер Марин подошел к дочери и положил ладонь ей на плечо. Опустив голову, Ханна сглотнула слюну. В седьмом классе, еще до того, как родители расстались, у нее были доверительные отношения с отцом. Он разбил ей сердце, когда после развода покинул Роузвуд. А когда переехал к Изабель и Кейт, Ханна испугалась, что он променял уродливую толстушку дочь с невзрачными волосами на идеальную Кейт – прелестную и стройную. Несколько месяцев назад, когда Ханна оказалась в больнице после аварии, отец пообещал, что станет играть более значительную роль в жизни дочери. Но он жил здесь уже неделю, а времени для нее по-прежнему не находил: был слишком занят, помогая Изабель, обожавшей бархат и всякие кисточки, обустраивать дом в соответствии с ее вкусами.

Но, может, сейчас он намерен извиниться за все. За то, что не выслушал, перестал с ней общаться... За то, что ради Изабель и Кейт бросил ее на *целых три года*.

Мистер Марин смущенно потрепал ее по плечу.

– Послушай. У тебя выдалась тяжелая осень.

А в пятницу ты будешь свидетельствовать на суде по делу Йена – тоже стрессовая ситуация. Согласен, Кейт и Изабель переехали сюда несколько... внезапно. Но, Ханна, пойми, Кейт ведь тоже сейчас нелегко: ее жизнь полностью изменилась. Все ее друзья остались в Аннаполисе, а ты слова ей не хочешь сказать. Пора бы тебе уже относиться к ней как к члену семьи.

Улыбка померкла на губах Ханны. Как будто отец врезал ей по голове зеленой мыльницей, что стояла на раковине. Кейт *не нуждалась* в помощи Ханны, ни капельки. Кейт была такой же, как Элисон: грациозной, красивой, объектом всеобщего внимания... и невероятно коварной.

Отец опустил подбородок, ожидая, чтобы дочь согласилась с ним, и Ханна вдруг осознала, что он не договорил фразу до конца. Выпустил из нее одно коротенькое слово, подразумевавшее, как отныне здесь будут обстоять дела.

Ханна должна относиться к Кейт как к члену семьи, *иначе...*

3

Дебют Арии в искусстве

– Фу. – Ария Монтгомери наморщила носик, наблюдая за братом. Майк окунул кусочек хлеба в керамический котелок с расплавленным швейцарским сыром, покрутил его там, вытащил и слизал повисшую на вилке длинную тягучую сырную нитку. – Почему все нужно превращать в сексуальный акт?

Майк ухмыльнулся, продолжая свое действие с хлебом. Ария содрогнулась.

Ей не верилось, что сегодня последний день таких необычных зимних каникул. Вместе с мамой они решили приготовить домашнее сырное фондю. Фондюшницу Ария нашла в подвале, под коробками с рождественскими украшениями и игрушечным гоночным треком Майка. Не было сомнений, что набор для фондю родителям подарили на свадьбу, но уточнять Ария не решилась. Старалась избегать всяких разговоров об отце. Например, ни словом не заикалась о том, как вместе с братом, отцом и его подружкой Мередит провела Рождество на лыжном курорте Медвежий Коготь. То была очень странная поездка. Мередит носила не высовывала из домика, где делала упражнения на растяжку по системе йоги, оберегая свой маленький, но уже заметно округлившийся живот – она была беременна, – и все умоляла Арию научить ее вязать детские башмачки. Элла и Байрон, родители Арии, официально расстались всего несколько месяцев назад, – отчасти благодаря Моне, которая прислала Элле анонимное письмо, сообщая, что муж ей изменяет. Ария была абсолютно уверена, что мама все еще переживает из-за ухода отца.

Майк смотрел на бутылку *Heineken* в руке матери.

– Дай глотнуть.

– Нет, – ответила Элла. – В третий раз «нет».

Майк нахмурился:

– Можно подумать, я никогда не пил пива.

– Не в моем доме. – Элла наградила сына сердитым взглядом.

– Что это тебя так на пиво потянуло? – полюбопытствовала Ария. – Майки нервничает из-за первого свидания?

– Это не свидание. – Майк еще ниже натянул на лоб лыжную шапочку. – Она просто друг.

Ария лукаво улыбнулась. На Майка запала девчонка по имени Саванна, ученица десятого класса государственной школы. Познакомились они в соцсетях, на Фейсбуке, в группе поклонников лакросса – кто бы мог подумать! Очевидно, Саванна была одержима этим видом спорта, как и Майк.

– Майк идет на свидание в торговый центр, – пропела Ария. – Будет второй ужин? В «Великой цыплячьей стене» мистера Вонга?

– Заткнись, – огрызнулся Майк. – Мы пойдем есть десерт в *Rive Gauche*. Но говорю тебе, это не свидание. Она же из обычной школы. – Слова «из обычной школы» в его исполнении прозвучали так, как другие произнесли бы «вонючая яма с пиявками». – А я встречаюсь только с богатыми девчонками.

Ария прищурилась:

– Ты омерзитель.

– Помолчала бы, поклонница Шекспира, – ухмыльнулся Майк.

Ария побледнела. Шекспиром Майк называл Эзру Фитца, условного – бывшего – парня Арии и преподавателя английского языка и литературы в их школе – тоже бывшего. Это была еще одна тайна, которой Мона-«Э» шантажировала Арию. СМИ тактично умолчали о сек-

ретах подруг, известных «Э», но Ария подозревала, что Майк узнал об Эзре от Ноэля Кана, своего сокомандника по лакроссу и первого сплетника школы. Ария взяла с Майка слово, что тот не выдаст ее матери, но временами брат не отказывал себе в удовольствии обронить намек.

Элла наколола на вилку кусочек хлеба.

– Вообще-то, возможно, и у меня скоро будет свидание, – неожиданно сказала она.

Ария опустила вилку. Если б Элла сейчас сказала, что возвращается в Рейкьявик, где их семья жила последние три года, она, пожалуй, изумилась бы меньше.

– Что? Когда?

Элла теребила свое массивное бирюзовое ожерелье.

– Во вторник.

– С кем?

Мать быстро склонила голову. У корней ее волосы были седые.

– С одним мужчиной. Я с ним общаюсь на сайте знакомств. По разговору – приятный человек... а так – кто знает? Мне о нем не так много известно. В основном мы говорим о музыке. Нам обоим нравится *Rolling Stones*.

Ария пожала плечами. В том, что касалось рока семидесятых, ей больше импонировала группа *Velvet Underground*⁸. Мик Джаггер был еще хуже, чем она сама, а Кит Ричардс вообще вселял в нее страх.

– Чем он занимается?

Элла застенчиво улыбнулась:

– Если честно, понятия не имею. Мне только известно, что его зовут Вольфганг.

– *Вольфганг*? – Ария чуть не выплюнула хлеб изо рта. – Как Моцарта?

Элла покраснела еще сильнее:

– Может, и не пойду.

– Да ты что! Иди обязательно! – вскричала Ария. – По-моему, это здорово! – И Ария была рада за Эллу. С какой стати все удовольствия должны доставаться только отцу?

– А по-моему, полный отстой, – вставил Майк. – После сорока лет свидания нужно запретить.

– Что ты наденешь? – спросила Ария у матери, игнорируя реплику брата.

Элла оглядела свою любимую тунику баклажанного цвета с вышитым цветочным узором вокруг горловины и пятном от яичницы у нижнего края.

– А это чем плохо?

Ария, вытаращив глаза, замотала головой.

– Я купила ее в прошлом году в Дании, в рыбацкой деревушке, – напонила дочери Элла. – Ты же была со мной! Нам ее продала какая-то беззубая старушка.

– Нужно подобрать что-нибудь другое, – категорично заявила Ария. – Покрасить волосы. И уж позволь, я сама сделаю тебе макияж. – Прищурившись, она представила столешницу в ванной матери. Обычно та была завалена акварельными красками, баночками со скипидаром и незавершенными ювелирными поделками. – У тебя есть косметика?

Элла снова глотнула пива.

– А разве я не должна ему нравиться такой, какая есть, без всего этого... украшательства?

– Это все равно будешь ты. Только лучше, – настаивала Ария.

Майк, переводя взгляд с сестры на мать, просиял.

– А знаете, что реально украшает женщину, на мой взгляд? Имплантаты!

⁸ *Velvet Underground* (в переводе с англ. букв. «бархатное подполье») – культовая американская рок-группа 1960#1970#х гг., стоявшая у истоков альтернативной и экспериментальной рок-музыки.

Элла собрала тарелки и отнесла их в раковину.

– Ладно, – согласилась она, обращаясь к дочери. – Ты соберешь меня на мое свидание, а я пока отвезу Майку на *его*.

– У меня – не *свидание*! – возмутился Майк. Он бросился вон из комнаты и, громко топая, поднялся по лестнице.

Ария с Эллой тихо рассмеялись. После ухода Майки они смущенно и тепло посмотрели друг на друга, взглядами выражая то, что пока не могли облечь в слова. Последние несколько месяцев обеим пришлось нелегко. Мона-«Э» сообщила Элле, что Ария целых три года скрывала от нее измену мужа, и какое-то время Элла была до того зла на дочь, что даже выгнала ее из дома. В конце концов она ее простила, и теперь Ария изо всех сил старалась восстановить прежние отношения. Той близости, какая между ними была, они пока еще не достигли. Ария о многом не могла рассказать матери; они старались не оставаться наедине; и Элла не откровенничала с Арией, как бывало раньше. Но лед с каждым днем таял.

Приподняв брови, Элла сунула руку в карман-кенгуру своей туники.

– Ой, только сейчас вспомнила. – Она вытащила прямоугольную открытку с изображением трех скрещенных линий синего цвета. – Сегодня я собиралась пойти на открытие выставки, но времени нет. Хочешь сходить вместо меня?

– Не знаю. – Ария пожала плечами. – Вообще-то, я устала.

– Сходи, – настаивала Элла. – Ты в последнее время нигде не бываешь. Хватит кукушаться.

Ария собралась было возразить, но поняла, что Элла права. Все зимние каникулы она просидела в своей комнате – вязала шарфы или рассеянно покачивала голову болванчика Шекспира, которого Эзра подарил ей в ноябре перед отъездом из Роузвуда. Каждый день ждала, что он вот-вот даст о себе знать – по электронной почте, эсэмэской или еще как-нибудь, – тем более что во всех новостях постоянно фигурировали Роузвуд, Элисон и даже сама Ария. Месяцы текли... и ничего.

Она зажала уголок приглашения в ладонях. Если у Эллы хватило мужества вернуться в мир, значит, и она сможет. И почему бы не сделать это прямо сейчас?

* * *

На выставку Арии пришлось ехать по улице, где когда-то жила Эли. Ее дом ничуть не изменился, выглядел так же, как в те дни. Рядом стоял дом Спенсер, через улицу – дом семьи Кавано. «Интересно, – думала Ария, – там ли сейчас Дженна, готовится к возвращению в школу, к своему первому учебному дню?» Она слышала, что для Дженны будут организованы индивидуальные занятия по всем предметам.

Дня не проходило, чтобы Ария не вспоминала свой последний – и единственный – разговор с Дженной, состоявшийся в арт-студии колледжа Холлис, когда у Арии случился приступ паники во время грозы. Она попыталась попросить прощения за все, что случилось в тот ужасный вечер, когда ослепла Дженна. Но та объяснила, что это они с Элисон сговорились устроить фейерверк: хотели избавиться от сводного брата Дженны, Тоби. Эли согласилась помочь, потому что у нее тоже, по всей видимости, были проблемы с братом.

Какое-то время Ария все ломала голову, что же подразумевалось под фразой «проблемы с братом». Тоби приставал к Дженне. Значит, и брат Эли, Джейсон, приставал к своей сестре? Но Ария не хотела в это верить. Она никогда не замечала странностей в отношениях Элисон и Джейсона. Он всегда опекал сестру.

А потом Арию осенило. *Ну конечно*. Никаких проблем у Эли с Джейсоном не было. Она сказала это специально, чтобы завоевать доверие Дженны и проникнуть в ее тайну. Так же она поступила и с Арией. Сокрушалась, выражала сочувствие, когда они застали

Байрона целующимся с Мередит на автомобильной парковке. А узнав тайну Арии, потом на протяжении многих месяцев шантажировала ее. Эли поступала так и с другими своими подругами. Но какое ей было дело до того, что скрывает недалекая Дженна Кавано?

Спустя пятнадцать минут Ария подъехала к галерее. Местом проведения выставки выбрали просторный фермерский дом в лесу. Она припарковала *Subaru* Эллы на посыпанном гравием участке и, выйдя из машины, услышала шуршание. Небо здесь было совершенно черным.

Из-за деревьев донесся странный шум, как будто кто-то кричал. Потом... снова шуршание. Ария попятилась.

– Кто здесь? – тихо спросила она.

Из-за полуразрушенного деревянного забора на нее с любопытством смотрели чьи-то глаза. На мгновение у Арии замерло сердце. Но потом она заметила, что глаза окружает белая шерсть. Это была всего лишь альпака. К забору подошли еще несколько животных. Глядя на их загнутые длинные ресницы, Ария улыбнулась и облегченно вздохнула: очевидно, на ферме жило целое стадо альпак. Если ты много месяцев была объектом преследования, трудно в одночасье избавиться от параноидального ощущения, что за тобой постоянно кто-то наблюдает.

В доме пахло свежее испеченным хлебом, из стереопроектора тихо лилась песня в исполнении Билли Холидей. Мимо проходила официантка с большим подносом, на котором стояли бокалы с *Bellini*. Ария взяла коктейль, с жадностью осушила бокал и только потом обвела взглядом помещение. На стенах висели не менее пятидесяти картин. Под каждой виднелась пластинка с названием, фамилией художника и ценой. Возле стола с закусками расхаживали группками худые темноволосые женщины с асимметричными стрижками. Мужчина в очках с темной оправой беседовал с полногрудой женщиной, светло-красные волосы которой были уложены в пышную прическу. Еще один мужчина, курчавый, седовласый, с безумным взглядом, потягивал из бокала напиток, похожий на бурбон, и что-то шептал своей жене с внешностью Сиенны Миллер.

У Арии гулко заколотилось сердце. Здесь собрались не местные коллекционеры, обычно посещавшие роуэвудские вернисажи, – люди вроде родителей Спенсер, в деловых костюмах, с сумочками *Chanel* за тысячу долларов. Девушка поняла, что оказалась среди подлинных знатоков искусства, может быть, даже прибывших из самого Нью-Йорка.

На выставке были представлены работы трех разных художников, но большинство зрителей толпились у абстрактных полотен некоего Ксавьера Ривза. Ария подошла к единственной его картине, у которой не стояла огромная толпа, и приняла позу арт-критика – рука подпирает подбородок, лоб нахмурен, словно она пребывает в глубоком раздумье. Картина представляла собой изображение огромного светло-лилового круга с маленьким кружком более темного лилового цвета посередине.

«Интересно, – отметила она про себя. – Но, если честно... похоже на гигантский сосок».

– Что скажешь о манере письма? – тихо спросил кто-то у нее за спиной.

Ария обернулась и увидела высокого парня с теплыми карими глазами, одетого в темно-синие джинсы и черный свитер, связанный «резинкой». Девушку охватил трепет, так что она даже ощутила покалывание в пальцах ног, обутом в поношенные атласные туфли без каблука. Своими высокими скулами и коротко стриженными волосами, которые спереди стояли хохолком, парень напомнил ей темпераментного музыканта по имени Сондре. Они познакомились в Норвегии в минувшем году и часами торчали в рыбацкой пивнушке в Бергене, где, потягивая виски кустарного производства, придумывали истории о чучелах рыб, висевших на обшитых деревом стенах.

Ария снова оценивающе посмотрела на картину.

– Мазки очень... смелые.

– Верно, – согласился парень. – И выразительные.

– Безусловно. – Ария была в восторге оттого, что обсуждает картину с настоящим знатоком живописи, тем более таким симпатягой. Также было приятно, что вокруг нет роузмудцев, которые только и делают, что сплетничают о предстоящем суде над Йеном. Она силилась придумать, что бы еще сказать. – Мне это напоминает...

– Может, сосок? – усмехнулся парень, наклоняясь к ней ближе.

Ария в изумлении широко открыла глаза. Значит, не одна она заметила сходство.

– Вообще-то, похоже, да? – рассмеялась девушка. – Но все-таки давайте рассуждать серьезно. Картина называется «Неразрывность пространства». Возможно, Ксавьер Ривз изобразил здесь одиночество. Или борьбу пролетариата.

– Ну и ну. – Парень стоял так близко к Арии, что она ощущала его дыхание, в котором смешивались запахи коричной жвачки и коктейля *Bellini*. – Но тогда получается, что вон на той картине под названием «Безостановочный бег времени» изображен не пенис?

На них с испугом глянула немолодая женщина в пестрых очках модели «кошачий глаз». Чтобы не рассмеяться, Ария прикрыла рот ладонью. Она заметила родинку в форме полумесяца прямо под левым ухом ее нового знакомого. Жаль, что она не приделалась. Надо ж было явиться сюда в тошнотворно-зеленом свитере с воротом-хомутом, в котором девушка проходила все зимние каникулы. Хоть бы догадалась застирать пятно от фондю.

Парень осушил свой бокал.

– Так как тебя зовут?

– Ария. – С застенчивым видом она покусывала палочку для помешивания коктейля, вытаскивая ее из бокала.

– Рад знакомству, Ария. – Мимо прошла группа посетителей, так что Арии с ее новым знакомым пришлось встать ближе друг к другу. Его ладонь на мгновение легла ей на талию, и щеки Арии опалил жар. Он коснулся ее нечаянно... или преднамеренно?

Парень схватил еще два напитка и один вручил ей.

– Ты работаешь или учишься?

Ария приоткрыла рот, размышляя. Интересно, сколько ему лет? Выглядит довольно молодо, вполне может быть студентом. И она представила, как он живет в одном из облезлых, но элегантных викторианских домов возле колледжа Холлис. Впрочем, она ведь и Эзру поначалу приняла за студента.

Ответить Ария ничего не успела, потому что между ними втиснулась дама в костюме из ткани в мелкую косую клетку. Брюнетка со стоящими торчком волосами была копией Стервеллы де Виль из фильма «101 далматинец».

– Позвольте украсть его на время? – Стервелла взяла парня под локоть. Тот чуть стиснул ее руку.

– Да, конечно. – Разочарованная, Ария отступила на шаг.

– Прошу прощения. – Стервелла виновато улыбнулась. Губы ее были покрашены очень темной, почти черной помадой. – Но с Ксавьером все хотят пообщаться, как вы понимаете.

Ксавьер? Сердце Арии упало. Она схватила его за руку.

– Так вы и есть... автор?

Ее новый знакомый остановился. Его глаза озорно блеснули.

– Я разоблачен, – сказал он, наклоняясь к ней. – И кстати, на картине действительно сиська.

Стервелла потащила его прочь. Он подстроился под ее шаг и что-то игриво зашептал на ухо. Смеясь, они влились в толпу истинных знатоков искусства, которые принялись на все лады восхвалять блестящие работы художника. Ксавьер улыбался, пожимая руки своим почитателям, а Ария жалела, что в деревянном полу нет люка, через который можно

было бы исчезнуть с выставки. Ведь она нарушила главное правило вернисажей, гласящее: не обсуждай выставленные произведения с незнакомыми людьми, поскольку никогда не знаешь, кто есть кто. И, бога ради, не высмеивай шедевры восходящей звезды.

Но, судя по хитрой улыбке, с которой Ксавьер только что взглянул в сторону Арии, ее слова его ничуть не обидели. И от этого девушка почувствовала себя очень и очень счастливой.

4

На дне

В понедельник утром Спенсер Хастингс сидела на уроке английского языка и, сгорбившись за партой, писала сочинение по роману «И восходит солнце». Она хотела добавить несколько цитат из критических статей Хемингуэя, помещенных в конце книги, – в попытке заслужить поощрение учительницы, миссис Стаффорд. Теперь ей приходилось по крохам восстанавливать свою репутацию.

Динамик, висевший в передней части класса, затрещал.

– Миссис Стаффорд? – раздался голос школьного секретаря миссис Вагнер. – Пожалуйста, пришлите Спенсер Хастингс к директору.

Все тринадцать учеников подняли головы от своих тетрадей, глядя на Спенсер так, будто она явилась в школу только лишь в кружевном синем бюстгальтере *Eberjey*, купленном в *Saks* на послерождественской распродаже. Миссис Стаффорд, почти вылитая Марта Стюарт⁹, хотя, наверное, сроду яйца в сковородку не разбила и никогда не украшала фартук вышивкой, положила на стол истрепанный томик «Улисса».

– Отправляйся.

«Что ты опять натворила?» – спрашивал ее взгляд. Спенсер и сама задавалась тем же вопросом.

Девушка встала, стараясь украдкой дышать по системе йоги, и положила сочинение на стол миссис Стаффорд. В принципе, она не осуждала учительницу за пренебрежительное отношение. За всю историю роузвудской частной школы Спенсер стала первой ученицей, вышедшей в финал конкурса на лучшее сочинение под названием «Золотая орхидея». Это было событие *огромной* важности, настолько огромной, что ее фото поместили на первой полосе «Филадельфийского наблюдателя». По окончании самого последнего тура, когда председатель жюри позвонил Спенсер и сообщил, что ей присудили победу, она наконец-то решилась открыть правду – что выдала за свою работу реферат по экономике, написанный ее сестрой Мелиссой. Теперь все учителя подозревали Спенсер в том, что она жульничает и по другим предметам. Спенсер больше не боролась за право выступить с прощальной речью; ее также попросили освободить место вице-президента совета учащихся, уйти из школьного театра и сложить с себя полномочия главного редактора школьного ежегодника. Ей даже грозило исключение из школы, но родителям Спенсер удалось договориться с администрацией: вероятно, пожертвовали кругленькую сумму.

Спенсер понимала, почему ей не могут простить обмана. Но ведь она столько контрольных сдала на «отлично», таким количеством комитетов руководила, столько клубов создала! Неужели она не заслужила хотя бы толики снисхождения? Неужели не имеет значения, что тело Элисон было найдено буквально в нескольких метрах от дома Спенсер или что она получала жуткие послания от сумасшедшей Моны Вондервол, пытавшейся *выдать себя* за ее *погибшую* подругу? Или что Мона чуть не столкнула ее в карьер Утопленников, потому что Спенсер не захотела быть вместе с ней Анонимом? Или что благодаря ей *убийца Эли теперь находится за решеткой*? Какое там! Их волнует лишь то, что Спенсер опозорила роузвудскую частную школу.

Она закрыла за собой дверь кабинета английского языка и пошла в приемную директора. В коридоре стоял привычный хвойный запах воска для деревянных половиц, к кото-

⁹ Стюарт, Марта (род. в 1941 г.) – американская телеведущая и писательница, получившая известность и заработавшая целое состояние благодаря советам по домоводству. В 2004 г. была осуждена за мошенничество. Пять месяцев отсидела в тюрьме и еще около шести – под домашним арестом.

рому примешивались разные парфюмерные ароматы. Над головой висели сотни усеянных блестками бумажных снежинок. Ежегодно в декабре проводился конкурс на лучшие снежинки, в котором принимали участие все ученики начальной школы, и модели победителей всю зиму были выставлены в школах для младших и старших классов. Спенсер всегда страшно расстраивалась, если победа доставалась не ее классу: жюри объявляло победителей непосредственно перед началом каникул, что неизменно омрачало Рождество. Обычно Спенсер любое поражение воспринимала как конец света. Она до сих пор злилась, что вместо нее президентом класса выбрали Эндрю Кэмпбелла; что в седьмом классе Эли заняла по праву принадлежавшее Спенсер место на хоккейном поле; а в шестом ей так и не довелось расписать лоскут мемориального флага. И хотя школа по-прежнему ежегодно устраивала эти состязания, Спенсер никогда так сильно не переживала свое поражение, как в тот год, когда впервые приняла участие в игре «Капсула времени». Впрочем, Эли тогда тоже не довелось украшать лоскут флага, что несколько смягчило удар.

– Спенсер? – Кто-то неожиданно выскочил из-за угла. «Легко на помине», – ворчливо подумала она. Это был Эндрю Кэмпбелл, мистер Президент Класса собственной персоной.

Эндрю приблизился к ней, убирая за уши свои длинноватые белокурые волосы.

– Что это ты шастаешь по коридорам?

Да, любопытства Эндрю не занимать. Несомненно, он до чертиков рад, что его соперница сошла с дистанции в гонке за право выступить с прощальной речью: кукла вуду, олицетворяющая Спенсер, которую – она была уверена в этом – Кэмпбелл держал под кроватью, наконец-то сделала свое дело. Вероятно, он также считал случившееся возмездием за то, что девушка бросила его на благотворительном вечере «Фокси», куда сама же и пригласила.

– Меня вызвали к директору, – ледяным тоном объяснила Спенсер, отчаянно надеясь, что там ее не ждут плохие новости. Она ускорила шаг, стуча массивными каблуками сапог по гладкому деревянному полу.

– Я тоже туда, – сказал Эндрю, идя с ней рядом. – Мистер Розен хочет расспросить меня о поездке в Грецию, где я побывал на каникулах. – Мистер Розен являлся руководителем «Модели ООН»¹⁰. – Я ездил с Филадельфийским клубом молодых лидеров. Думал, ты тоже поедешь.

Спенсер хотелось отхлестать Эндрю по его румяным щекам. После скандала с «Золотой орхидеей» ФКМЛ – эта аббревиатура у Спенсер всегда ассоциировалась с отхаркиванием мокроты – сразу же исключил ее из своих рядов. И Эндрю наверняка об этом знал.

– Там возник конфликт интересов, – холодно ответила она. В принципе, так и было: ей пришлось «охранять» дом, пока родители отдыхали на горнолыжном курорте Бивер-Крик в Колорадо. Они и не подумали позвать ее с собой.

– О, – Эндрю с любопытством воззрился на нее. – Что-то... не так?

В изумлении Спенсер резко остановилась и всплеснула руками.

– Естественно. *Все* не так. Теперь доволен?

Эндрю отпрянул от нее, захлопав глазами. Постепенно на его лице отразилось понимание.

– Уф. «Золотая орхидея»... Совсем забыл. – Он зажмурился. – Ну и кретин же я.

– Ладно. – Спенсер стиснула зубы. Неужто Эндрю и впрямь *забыл* о том, что с ней произошло? Лучше бы уж все каникулы злорадствовал, и то было бы не так обидно. Она сердито смотрела на аккуратно вырезанную снежинку, висевшую над фонтанчиком для инвалидов.

¹⁰ «Модель ООН» – комплекс мероприятий, представляющих собой синтез научной конференции и ролевой игры, в ходе которых учащиеся старших классов на нескольких официальных языках ООН воспроизводят работу органов этой организации, приобретая дипломатические, лидерские, ораторские и языковые навыки, а также умение приходить к компромиссу.

Эндрю тоже раньше мастерски вырезал снежинки. Даже в младших классах между ними существовало личное соперничество. Они во всем старались превзойти друг друга.

– Просто вылетело из головы, – признался Эндрю. Его голос звучал все пронзительнее. – То-то я удивился, когда не увидел тебя в Греции. Жаль, что ты не поехала. Среди тех, кто там был, не нашлось ни одного очень... даже не знаю... Умного. Интересного.

Спенсер теребила кожаные кисточки на своей сумке. За последнее время она не слышала таких приятных слов в свой адрес, тем более невыносимым было то, что произнес их Эндрю.

– Мне нужно идти. – Она поспешила по коридору к кабинету директора.

– Он тебя ждет, – сказала секретарь, едва Спенсер влетела в стеклянные двери приемной. По пути к кабинету Эпплтона девушка миновала большую акулу из папье-маше, которую везли на платформе во время прошлогоднего парада в честь Дня учредителя. Интересно, что нужно от нее Эпплтону? Может, он осознал, что обошелся с ней слишком строго, и теперь готов извиниться? Может, решил восстановить ее в должности президента класса или дать добро на то, чтобы она все-таки играла в спектакле? В театральном кружке собирались ставить «Бурю», но прямо перед зимними каникулами администрация школы заявила главному режиссеру Кристоферу Бриггсу, что для изображения бури нельзя использовать на сцене воду и пиротехнические средства. Кристофер, разбушевавшись, навсегда распрощался с «Бурей» и принялся подбирать исполнителей для постановки «Гамлета». Все только начали учить новые роли, и Спенсер по большому счету не пропустила ни одной репетиции.

Аккуратно закрыв за собой дверь кабинета Эпплтона, она повернулась и остолбенела. В кожаных креслах с жесткими спинками сидели бок о бок ее родители. На Веронике Хастингс было черное шерстяное платье. Волосы она убрала с лица и перетянула бархатной лентой; само лицо было опухшим и красным от слез. Питер Хастингс, в костюме-тройке и начищенных до блеска туфлях, так крепко стискивал зубы, что казалось, будто кожа на его лице вот-вот лопнет.

– А, – произнес Эпплтон, поднимаясь из-за стола. – Я вас оставлю. – Он вышел из кабинета и закрыл за собой дверь.

От воцарившейся тишины у Спенсер зазвенело в ушах.

– Ч-что случилось? – спросила она, медленно опускаясь на стул.

Отец смущенно заерзал в кресле.

– Сегодня утром умерла твоя бабушка.

– Нана? – заморгала Спенсер.

– Да, – тихо ответила мама. – От сердечного приступа. – Она сложила на коленях руки, настраиваясь на деловой тон. – Завещание огласят завтра утром, потому что твоему отцу нужно лететь во Флориду решить вопросы наследства до похорон, которые состоятся в следующий понедельник.

– О боже, – едва слышно прошептала Спенсер.

Она застыла на стуле, ожидая, что из глаз вот-вот хлынут слезы. Когда она видела Нану в последний раз? Пару месяцев назад они ездили в Кейп-Мей в штате Нью-Джерси, но Нана оставалась во Флориде: она уже много лет не появлялась на севере. Столько смертей за последнее время, сокрушалась Спенсер, причем погибли люди, которые были куда моложе ее бабушки. А Нана девяносто один год прожила в богатстве и довольстве. К тому же она не была самой любящей бабушкой. Конечно, в Кейп-Мее она, не поскупившись, отгрохала для Спенсер с Мелиссой шикарную детскую, укомплектовав ее кукольными домиками, игровыми наборами «Мой маленький пони» и большими корзинами с *Lego*. Но Нана всегда замирала, если Спенсер пыталась ее обнять, отказывалась рассматривать замурзанные поздравительные открытки, которые внучка делала для нее на день рождения, и ворчала по поводу самолетов из *Lego*, которые та выносила из детской и оставляла на рояле *Steinway*.

Порой Спенсер сомневалась, что Нана вообще любит детей. Возможно, она и детскую обустроила так роскошно, чтобы девочки не путались у нее под ногами.

Миссис Хастингс отпила большой глоток латте из стакана *Starbucks* и объяснила:

– Нам сообщили об этом, когда мы беседовали с Эпплтоном.

Спенсер замерла. Значит, родители *уже* находились здесь?

– Насчет меня?

– Нет, – строго ответила миссис Хастингс.

Спенсер громко шмыгнула носом. Мама закрыла сумочку и встала. Отец поднялся следом и посмотрел на часы:

– Мне пора возвращаться.

Девушка ощутила острую боль. Ей хотелось одного: чтобы родители утешили ее. Но вот уже несколько месяцев они держались с ней холодно, а все из-за скандала с «Золотой орхидеей». Мама и отец знали, что Спенсер присвоила работу Мелиссы, но хотели, чтобы она утаила этот факт и приняла награду. Хотя теперь в этом не признаются. Когда Спенсер открыла правду, они сделали вид, будто шокированы поступком дочери.

– Мама? – надтреснутым голосом произнесла она. – Папа? Пожалуйста... задержитесь еще на несколько минут?

Ее мать помедлила с минуту, и у Спенсер радостно сжалось сердце. Но потом миссис Хастингс повязала на шее кашемировый шарф, взяла за руку мистера Хастингса и направилась к выходу, оставив дочь в одиночестве.

5

Смена караула

В понедельник во время обеденного перерыва Ханна прогулочным шагом шла по коридору корпуса ремесел и искусств к кабинету современных материалов. Своей внешностью она была довольна, а нет ничего приятнее, чем начинать новый семестр с осознанием того, что ты потрясающе выглядишь. За зимние каникулы девушка похудела на два с лишним килограмма, и волосы ее сияли – благодаря интенсивному применению бальзама на основе эфирного масла иланг-иланга, оплаченного кредитной картой отца, которой она пользовалась лишь в исключительных случаях. Стоявшая у шкафчиков компания парней в свитерах с эмблемой школьной хоккейной команды с вождением тарасилась на нее, когда она проходила мимо. Один из них даже свистнул вслед.

«Знай наших», – усмехнулась Ханна, помахав им рукой. Она по-прежнему приковывала к себе взгляды.

Да, бывали моменты, когда она сомневалась в собственной неотразимости, в том, что земля вращается вокруг нее. Вот и сейчас: обеденный перерыв в школе – это время, предназначенное для того, чтобы на других посмотреть и себя показать, но Ханна не знала, куда ей податься. Она рассчитывала, что будет обедать с Лукасом, но тот задерживался на занятии по риторике. В былые времена они сидели бы с Моной в «Заряде бодрости» и потягивали американо, критикуя сумочки и обувь других девушек. Потом, доев йогурты и допив воду, отправились бы в корпус английского языка и литературы, зашли в туалет и, заняв самые лучшие места перед зеркалом, принялись бы приводить в порядок свой макияж. Но сегодня она избегала и кафетерия, и женского туалета в английском корпусе. Как-то неловко сидеть за столиком в одиночестве, а с макияжем у нее все в порядке – нечего подправлять.

Вздыхнув, Ханна с завистью посмотрела на группу счастливых девчонок, направлявшихся в «Заряд бодрости». Жаль, что она не может побыть в их компании хотя бы несколько минут. Но таковы уж были издержки ее дружбы с Моной, исключавшей тесное общение с кем-то еще. И теперь Ханна не могла избавиться от мучительного ощущения, что в глазах всей школы она – Девушка, Которую Пыталась Убить Ее Лучшая Подруга.

– Ханна! – окликнул ее чей-то голос. – Подожди!

Она остановилась и, прищурившись, разглядела высокую худенькую фигурку, махавшую ей из дальнего конца коридора. Во рту сразу стало кисло. *Кейт*.

До чего же противно видеть ее в форме роузмудской частной школы – синем блейзере и клетчатой юбке. Ханна хотела броситься в противоположную сторону, но Кейт приближалась к ней с головокружительной быстротой, проворно лавируя между школьниками, хотя на ногах у нее были сапоги на высоченном каблуке. Лицо у Кейт было искреннее и жизнерадостное, как у персонажа диснеевского мультфильма, а дыхание – свежее, будто она сжевала восемь пластинок «Листерина»¹¹ подряд.

– Я тебя всюду ищу!

– Угу, – буркнула Ханна, выискивая взглядом хоть кого-нибудь, кто мог бы прервать их разговор. Она надеялась, что поблизости окажется остроумный Майк Монтгомери или хотя бы не в меру стыдливый девственник Шон Эккард, ее бывший парень, но увидела в коридоре лишь членов школьного хора, которые внезапно начали исполнять григорианский хорал. *Придурки*. Потом краем глаза она заметила, как из-за угла появилась высокая

¹¹ «Листерин» – торговое название антибактериальных средств для ухода за полостью рта – по фамилии английского хирурга Джозефа Листера (1827–1912), создателя хирургической антисептики.

красивая девушка с иссиня-черными волосами в больших темных очках *Gucci*. Рядом с ней семенил золотистый ретривер, ее пес-поводырь.

Дженна Кавано.

Ханна невольно поежилась. Она столько не знала о Дженне. Та дружила с Моной, и в тот вечер, когда Дженна ослепла, Мона приходила к ней домой. А значит, все то время, что Мона притворялась лучшей подругой Ханны, она была прекрасно осведомлена, что Дженна пострадала по их вине, пусть и случайно. У Ханны это просто в голове не укладывалось. Мона часами торчала у нее дома, на весенние каникулы они вместе ездили на Карибы, вместе ходили по магазинам и посещали спа-салоны... и ни разу Ханна не заподозрила, что фейерверк, ослепивший Дженну, оставил ожоги и на теле Моны.

– Какие у тебя планы на обеденный перерыв? – звонко спросила Кейт, так что Ханна чуть не подпрыгнула на месте. – Может, проведешь для меня экскурсию?

– Я занята, – надменно ответила Ханна, трогаясь с места. Черт бы побрал отца с его требованием относиться к Кейт «как к члену семьи». – Иди в канцелярию, скажи, что заблудилась, и тебе, я уверена, охотно нарисуют карту.

С этими словами она попыталась обойти Кейт, но та не отставала. Ханну обдало ароматом персикового геля для душа, которым пользовалась Кейт. И она решила, что запах, имитирующий аромат персика, для нее самый ненавистный на свете.

– Может, по кофейку? – не сдавалась Кейт. – Я угощаю.

Ханна прищурила глаза. Должно быть, Кейт полная идиотка, если думает, что сумеет завоевать расположение Ханны, целуя ее в задницу. Мона, когда они подружились в начале восьмого класса, тоже перед ней пресмыкалась – и вот что из этого вышло. Хотя с лица Кейт не сходило раздражающе дружелюбное выражение, было ясно, что она не отстанет. Внезапно еще одна мысль посетила Ханну: если она будет постоянно отталкивать Кейт, та, чего доброго, опять ее подставит, как тогда в *Le Bec-Fin*.

Шумно вздохнув, она откинула назад волосы.

– Ладно.

Они вернулись в «Заряд бодрости», благо отошли от него всего на два шага. Из стереопроектора звучала песня *Panic! At the Disco*, работали обе кофе-машины, за столиками было полно школьников. В одном углу устроили собрание члены драмкружка, обсуждавшие пробы на роли в постановке «Гамлета». Ханна слышала, что теперь, когда Спенсер Хастингс запретили играть в спектакле, на роль Офелии прочили талантливую десятиклассницу по имени Нора. Несколько девочек помладше пялились на старое объявление о Роузвудском Преследователе, который не давал о себе знать с тех пор, как был разоблачен Аноним, – полиция полагала, что им, скорее всего, была Мона. Несколько членов футбольной команды стояли возле компьютера. Ханне казалось, что они взглядами прожигают ей спину. Она собралась было помахать им рукой и увидела, что таращатся они вовсе не на нее, а на симпатичную стройную Кейт с упругой попкой и грудью третьего размера.

Они встали в очередь, Кейт принялась изучать меню. Ханна услышала громкий шепот, доносившийся с другого конца зала, и резко обернулась. На нее смотрели два ее давних злейших врага, Наоми Зиглер и Райли Вулф, занимавшие столик на четверых, за которым раньше любили сидеть Ханна с Моной.

– Привет, Ханна, – насмешливым тоном окликнула ее Наоми, помахав в знак приветствия. На каникулах она сделала себе короткую взъерошенную стрижку в стиле Эджинесс Дейн. Но с коронной прической супермодели ее голова стала похожа на булавочную головку.

Райли – ее медные волосы были собраны в тугий узел на затылке, как у балерины, – тоже ей помахала. Она смотрела на зигзагообразный шрам на подбородке Ханны.

В душе у Ханны поднялась буря, но она подавила порыв прикрыть руками шрам, который не удавалось полностью убрать ни косметическими средствами, ни дорогостоящими сеансами лазерной терапии.

Кейт проследила за взглядом Ханны.

– Ой! Та блондинка – из моего класса по французскому. Кажется, очень приятная девчонка. Это твои подруги?

«Однозначно нет», – хотела ответить Ханна, но не успела. Наоми уже отвлекла внимание Кейт на себя, махая ей и одними губами говоря «привет». Кейт поспешила через зал к их столику. Ханна отстала на несколько шагов, делая вид, будто с интересом изучает меню, которое знала наизусть. Впрочем, ей было *все равно*, что Наоми и Райли скажут Кейт. Они ее вообще не интересовали.

– Ты ведь новенькая, да? – спросила Наоми, когда Кейт подошла к ним.

– Да, – подтвердила та, широко улыбаясь. – Кейт Рэндалл. Сводная сестра Ханны. *Будущая* сводная сестра. Я только что переехала сюда из Аннаполиса.

– А мы и не знали, что у Ханны скоро появится сводная сестра! – Улыбка Наоми напомнила Ханне жуткую прорезь вместо рта на фонаре из тыквы.

– Есть такая. – Кейт театрально развела руками. – Это я.

– Красивые сапоги. – Райли показала на обувь Кейт. – *Marc Jacobs?*

– Винтаж, – сообщила Кейт. – Купила в Париже.

«Ой, я такая особенная, в Париже была», – про себя передразнила ее Ханна.

– Тобой интересовался Мейсон Байерс. – Райли лукаво посмотрела на Кейт.

У той заблестели глаза.

– Кто такой Мейсон?

– Красавчик, – ответила Наоми. – Не хочешь присесть? – Она развернулась и забрала стул от столика, за которым сидела компания девчонок из школьного оркестра, беспардонно скинув на пол чей-то рюкзак.

Кейт глянула на Ханну через плечо, вопросительно приподняв брови: *Почему бы нет?* Ханна шагнула назад, решительно замотав головой.

Райли поджала свои блестящие губы.

– Мы тебе не компания, да, Ханна? – Ее голос полнился сарказмом. – Или теперь, когда Моны больше нет, ты подседа на диету без подруг?

– Или, может, у нее идет *очищение организма* от подруг, – язвительно предположила Наоми, озорно подтолкнув локтем Райли.

Кейт посмотрела на сводную сестру, потом снова на Наоми и Райли, словно решала, рассмеяться ей или нет. У Ханны сдавило грудь, будто ее бюстгальтер уменьшился сразу на три размера. Демонстрируя полнейшее безразличие, девушка резко развернулась, тряхнув волосами, и с гордым видом удалилась.

Но, оказавшись в гуще школьников, выходящих из кафетерия, она опустила плечи и сникла. *Диета без подруг. Очищение организма от подруг.* Хороша Кейт, ничего не скажешь. С ходу нашла общий язык со стервами, которых Ханна особенно ненавидит. Наверняка прямо сейчас Наоми и Райли рассказывают, как «Э» заставила Ханну признаться в том, что она склонна переедать и затем искусственно вызывать у себя рвоту и что Шон Экард отверг ее, когда она предложила ему заняться сексом на вечеринке у Ноэля Кана. Ханна воочию представляла, как Кейт, запрокинув голову, заливается смехом – вместе со своими двумя новыми лучшими подругами.

Ханна сердито зашагала к кабинету современных материалов, локтем отпихнув со своего пути замешкавшегося девятиклассника. По идее, теперь она должна презирать Мону, но Ханна многое бы отдала, чтобы та сейчас оказалась рядом. Несколько месяцев назад,

когда Наоми и Райли стали дразнить Ханну по поводу очищения желудка, Мона быстро вмешалась и на корню пресекла сплетни, напомнив им, кто в школе хозяин. Это было прекрасно.

К сожалению, теперь у Ханны не было такой подруги, которая не побоялась бы вступить за нее. И, возможно, никогда больше не будет.

6

Эмили и церковное чудо

В понедельник вечером после тренировки по плаванию Эмили, тяжело ступая, поднялась наверх в комнату, которую занимала вместе с сестрой Кэролайн, закрыла дверь и бухнулась на кровать. Тренировка не была изнурительной, но девушка почему-то очень устала. Казалось, что к рукам и ногам у нее подвешены кирпичи.

Эмили включила радио и принялась крутить ручку. Наткнувшись на новости, она услышала знакомое пугающее имя и стала слушать внимательнее.

– В пятницу утром в Роузвуде начинается судебный процесс по делу Йена Томаса, – монотонно вещал хорошо поставленный голос женщины-диктора. – Однако мистер Томас отрицает свою причастность к гибели Элисон ДиЛаурентис, и некоторые источники, близкие к окружной прокуратуре, говорят, что, возможно, он даже не предстанет перед судом, поскольку улик недостаточно.

Ошеломленная Эмили села на кровати. *Недостаточно улик?* Разумеется, Йен отрицает, что жестоко расправился с Эли, но разве можно ему верить? Особенно после свидетельских показаний Спенсер. Эмили вспомнила найденный несколько недель назад в Интернете ролик с интервью Йена, которое он дал, находясь в тюрьме округа Честер. «Я не убивал Элисон, – все повторял и повторял Йен. – Почему все думают, что ее убил я? Зачем это *говорят?*» Лоб его покрывала испарина, выглядел он бледным и осунувшимся. В самом конце интервью, в последних кадрах ролика, Йен с пафосом заявил: «Кому-то *нужно*, чтобы меня посадили. Кто-то скрывает правду. И они за это поплатятся». На следующий день Эмили хотела еще раз посмотреть интервью, но запись загадочным образом исчезла из Интернета.

Девушка прибавила громкость, ожидая, что диктор сообщит что-нибудь еще, но вместо этого начались региональные новости.

Раздался тихий стук в дверь. В комнату заглянула миссис Филдс.

– Ужин готов. Я приготовила макароны с сыром.

Эмили прижала к груди моржа – свою любимую мягкую игрушку. Обычно она за один присест могла умять целый горшочек с мамиными макаронами, но сегодня у нее болел желудок.

– Я не голодна, – буркнула она.

Миссис Филдс вошла в комнату, вытирая руки о передник с нарисованными цыплятами.

– Что с тобой?

– Ничего, – солгала Эмили, сиюсь раздвинуть губы в храброй улыбке, хотя весь день только и делала, что боролась со слезами. Вчера, во время ритуала символического погребения Эли, она старалась быть сильной, однако на самом деле никак не могла смириться с тем, что Эли умерла и больше не вернется. Это навсегда. Навечно. Была – и больше ее нет. Никогда не будет. Не счесть, сколько раз Эмили порывалась сбежать из школы, приехать к дому Спенсер и выкопать кошелек, который подарила ей Элисон, – чтобы никогда больше с ним не расставаться.

Более того, в школе теперь она чувствовала себя... неудобно. Весь день уклонялась от встреч с Майей, опасаясь выяснения отношений. И на тренировке по плаванию просто автоматически выполняла все, что от нее требовалось. Ей никак не удавалось побороть желание уйти из бассейна. А ее бывший парень Бен со своим лучшим другом Сетом Кардиффом бросали на нее скабрзные взгляды и ухмылялись – явно проходились на тему, что она предпочитает парням девчонок.

Миссис Филдс поджала губы, выражением лица давая понять: «Меня не проведешь».

– Пойдем-ка вечером со мной в церковь Святой Троицы? Там будет сбор средств на благотворительность, – предложила она, сжав руку дочери.

Эмили приподняла брови, подозрительно глядя на мать.

– Что? *В церковь?* – Насколько она могла судить, католическая церковь сочеталась с лесбиянством не лучше, чем полоска с клеткой.

– Отец Тайсон спрашивал о тебе, – сообщила миссис Филдс. – И *не* в связи с лесбиянством, – торопливо добавила она. – Его тревожит, как ты переживаешь то, что случилось с Моной в прошлом семестре. А это мероприятие по сбору средств обещает быть интересным – там и музыка будет, и негласный аукцион¹². Может, в церкви ты немного успокоишься.

Эмили с благодарностью прислонилась к плечу матери. Еще несколько месяцев назад мама вообще не стала бы с ней разговаривать, а уж тем более приглашать в церковь. Эмили была бесконечно рада, что снова спит в своей удобной постели в Роузвуде, а не на раскладушке в продуваемом насквозь фермерском доме дяди и тети, ее родственников-пуритан, живущих в Айове, куда ее сослали изгонять так называемых демонов лесбиянства. И она была безмерно счастлива, что Кэролайн опять живет с ней в одной комнате, а не сторонится сестры, опасаясь подцепить от нее вирус гомосексуализма. И едва ли имело значение то, что Эмили разлюбила Майю. Или что вся школа знала о ее нетрадиционной сексуальной ориентации, и мальчишки следовали за ней по пятам в надежде увидеть, как она целуется с девчонкой. Ведь лесбиянки всегда целуются.

Важно было то, что теперь ее родные из кожи вон лезли, чтобы угодить ей. На Рождество Кэролайн подарила Эмили плакат с изображением олимпийской чемпионки Аманды Бирд в раздельном купальнике фирмы *TYR*, который она повесила на место прежнего постера с Майклом Фелпсом в плавках, едва прикрывавших его мужское достоинство. Отец Эмили вручил ей большую банку жасминового чая, так как вычитал в Интернете, что «э... леди вроде тебя» предпочитают пить чай, а не кофе. Джейк и Бет, ее старшие брат с сестрой, скооперировались и подарили ей полный комплект DVD с сериалом «Секс в другом городе»¹³. Даже предложили вместе с Эмили посмотреть несколько серий после рождественского ужина. Столь трепетная заботливость родных вызывала у Эмили некоторую неловкость – она морщилась при мысли, что отец читает о лесбиянках в Интернете, – но чувствовала себя воистину счастливой.

Оттого что родные проявили понимание, приняли ее такой, какая она есть, Эмили тоже старалась во всем идти им навстречу. Возможно, насчет церкви мама права. Эмили хотелось лишь одного – чтобы в ее жизни все вернулось на круги своя, как было до появления «Э» и последовавших за этим событий. Ее семья всегда, сколько она себя помнила, посещала церковь Святой Троицы, самый большой католический храм в Роузвуде. Может, это действительно ей *поможет*.

– Ладно, – согласилась она, слезая с кровати. – Пойду.

– Вот и хорошо, – просияла миссис Филдс. – Я выхожу через сорок пять минут. – С этими словами она мягкими шагами вышла из комнаты.

Эмили встала, подошла к большому окну и, положив локти на подоконник, посмотрела на улицу. Высоко над деревьями светила луна; темные кукурузные поля за домом были укрыты девственным снегом; во дворе соседнего дома на крыше качелей в форме замка застыла толстая корка льда.

¹² Негласный (немой) аукцион – как и гласный, проводится с повышением цены. Однако после объявления аукционистом минимальной надбавки покупатели дают согласие поднять цену с помощью условных знаков. Тогда аукционист каждый раз объявляет новую цену, не называя покупателя. При этом способе сохраняется в тайне имя покупателя.

¹³ «Секс в другом городе» (L Word) – сериал продюсера Айлин Чайкен о лесбиянках.

Неожиданно что-то белое промелькнуло между омертвелыми стеблями кукурузы. Эмили выпрямилась, чувствуя, как ее прошиб холодный пот. Она убеждала себя, что это просто олень, но наверняка знать не могла. Попыталась присмотреться внимательней, но увидела только темноту.

* * *

Церковь Святой Троицы была одной из старейших в Роузвуде. За ее каменным обветшалым зданием находилось маленькое кладбище с беспорядочной россыпью надгробий, которые напоминали Эмили ряды кривых зубов. В седьмом классе на Хеллоуин Эли рассказала им страшилку про девочку – ту во сне преследовал образ ее младшей сестры. Она подзадорила Эмили и остальных подруг тайком пробраться в полночь на церковное кладбище и двадцать раз проскандировать: «Кости моей усопшей сестры», да так, чтобы при этом ни разу не вскрикнуть и не броситься бежать. Справилась с этим только Ханна, которая промчалась бы голой через школьную столовую, лишь бы доказать Эли, что она крутая.

В церкви стоял привычный запах, какой помнила Эмили: смесь плесени, тушеного мяса и кошачьей мочи. Стены и потолок обрамляли все те же красивые и чуть пугающие витражи со сценами из Библии. Эмили думала, что, возможно, Господь, кем бы Он ни был, сейчас взирает на них с небес и ужасается, видя Эмили в столь святом месте. Она надеялась, что Он за это не найдет на Роузвуд саранчу. Миссис Филдс помахала отцу Тайсону, доброжелательному седовласому священнику, который крестил Эмили, учил ее десяти заповедям и пробудил в ней интерес к трилогии «Властелин колец». Потом она взяла два кофе из буфета, устроенного у большой статуи Девы Марии, и повела дочь к сцене.

Они сели за высоким мужчиной с двумя маленькими детьми, и миссис Филдс ознакомились с музыкальной программой.

– Сейчас будет выступать ансамбль под названием *Carpe Diem*¹⁴. О, какая прелесть! Участники группы – одиннадцатиклассники академии Святой Троицы.

Эмили застонала. Когда она переходила в пятый класс, родители на каникулах отправили ее в летний лагерь «Высокие сосны», где занимались изучением Библии. Один из воспитателей, Джефффри Кейн, организовал музыкальную группу, которая выступала на закрытии лагеря в последний вечер. Они исполняли песни группы *Creed*¹⁵, а Джефффри при этом строил идиотские рожи, будто на него снизошло озарение божье. Чего же можно было ждать от ансамбля католической школы под названием *Carpe Diem*?

Помещение церкви огласили звонкие аккорды. От того места, где они сидели, сцена была частично загорожена большим усилителем, и Эмили видела только нечесаного парня за ударной установкой. Как ни странно, инструментальная композиция в исполнении этого ансамбля больше напоминала музыку эмо, а не христианский рок. Наконец запел солист. К удивлению Эмили, голос у него оказался... приятным.

Она протиснулась мимо высокого мужчины с двумя детьми, чтобы лучше видеть группу. Перед микрофоном стоял долговязый парень с акустической гитарой медового цвета, одетый в черные джинсы, поношенную футболку и такие же, как у Эмили, бордовые кеды фирмы *Vans*. Это было неожиданно здорово: она думала, что солист окажется двойником Джефффри Кейна.

Девушка рядом с Эмили стала подпевать. Слушая текст, Эмили мгновенно сообразила, что группа исполняет ее любимую песню Аврил Лавин *Nobody's Home*. Эту песню она посто-

¹⁴ *Carpe Diem* – лови момент (лат.).

¹⁵ *Creed* – американская рок-группа из Таллахаси, исполняет христианский рок. Основана в 1995 г.

янно слушала, когда летела в Айову, чувствуя себя той самой растерянной и опустошенной девушкой, о которой пела Аврил.

Когда стихли последние аккорды, певец отступил от микрофона, разглядывая толпу. Взгляд его ясных голубых глаз остановился на Эмили, и он улыбнулся. Внезапно ее будто током ударило, пронзило электрическим разрядом с головы до ног. Словно в кофе, что она пила, содержалось кофеина в десять раз больше, чем обычно.

Эмили украдкой огляделась. Мама отошла к буфету и о чем-то беседовала со своими приятельницами миссис Джеймисон и миссис Харт, с которыми пела в хоре. На церковных скамьях со спинками сидели в чопорных позах пожилые женщины, в замешательстве смотревшие на сцену. У исповедальни отец Тайсон, согнувшись в три погибели, хохотал над тем, что сказал ему какой-то старик. Поразительно, но никто не заметил, что с ней сейчас случилось. До этой минуты только два раза в жизни у Эмили возникало ощущение, будто в нее ударила молния. Первый раз в седьмом классе, когда она поцеловалась с Элисон в шалаше на дереве. Второй – минувшей осенью, когда поцеловалась с Майей в фотокабинке Ноэля Кана. Но, возможно, сейчас это произошло из-за того, что Эмили слишком устала на тренировке. Или это реакция на новый вкус энергетического батончика, который она съела перед плаванием.

Певец прислонил гитару к стойке и помахал толпе.

– Меня зовут Исаак, а это – Кит и Крис. – Он жестом показал на своих товарищей по группе. – Мы сделаем короткий перерыв и затем продолжим. – Исаак снова посмотрел на Эмили и шагнул в ее сторону. С гулко бьющимся сердцем она вскинула руку, чтобы помахать ему, но тут ударник уронил одну из своих тарелок. Исаак повернулся к своей группе.

– Дебил. – Смеясь, он пихнул ударника в плечо и вслед за своими товарищами скрылся за бледно-розовой занавеской, прикрывающей вход за импровизированные кулисы.

Эмили стиснула зубы. С чего это вдруг она ему *помахала*?

– Ты его знаешь? – раздался у нее за спиной голос, полный зависти.

Она обернулась. На нее смотрели две девчонки в форме академии Святой Троицы – белых блузках и плиссированных черных юбках.

– Э... нет, – ответила Эмили.

Довольные, девочки снова повернулись друг к другу.

– Исаак учится вместе со мной в математическом классе, – затараторила блондинка. – Он такой скрытный. Я даже не знала, что он играет в группе.

– А девчонка у него есть? – осведомилась ее темноволосая подружка.

Эмили переминалась с ноги на ногу. Эти ученицы католической школы были подобием Ханны Марин: худенькие, с длинными, отливающими глянцем волосами, идеальным макияжем и одинаковыми сумками фирмы *Coach*. Эмили тронула свои безжизненные, вьющиеся от хлорки зеленоватые волосы и разгладила на себе джинсы, которые были велики как минимум на размер. Внезапно она пожалела, что не накрутилась, собираясь в церковь, хотя, вообще-то, нечасто пользовалась косметикой.

Разумеется, у нее не было причин видеть соперниц в этих девчонках. В самом деле, не *влюбилась* же она в этого Исаака! А разряд, пронзивший ее и до сих пор резонировавший в кончиках пальцев, не что иное, как... глюк. Ложный импульс. Да, точно. И тут кто-то тронул ее за плечо. Вздвогнув, девушка обернулась.

Это был Исаак. И он улыбался ей.

– Привет.

– Э... привет, – поздоровалась она, игнорируя трепет в груди. – Я – Эмили.

– Исаак. – От него пахло апельсиновым шампунем, таким же, которым на протяжении многих лет пользовалась и сама Эмили.

– Мне понравилась ваша версия *Nobody's Home*, – ляпнула она, не раздумывая. – Эта песня буквально спасла меня, когда пришлось лететь в Айову.

– В Айову? Да уж. Суровый край, – пошутил Исаак. – Как-то раз я гастролировал там со своей группой. А тебя каким ветром туда занесло?

Эмили медлила с ответом, потирая затылок и чувствуя, что ученицы католической школы смотрят на них во все глаза. Пожалуй, зря она упомянула Айову – и то, как ей близки по настроению отчаяние и безысходность, которыми пронизан текст песни.

– Навещала родственников, – наконец произнесла она, теребя край своего пластикового стаканчика с кофе. – Мои тетя и дядя живут близ Де-Мойна.

– Понятно. – Исаак отступил в сторону, пропуская группку детей детсадовского возраста, игравших в пятнашки. – Нет ничего удивительного в том, что тебе близка эта песня. Меня на смех подняли, когда я первый раз начал петь про девчонку, но, думаю, эта песня импонирует каждому. Вопросы, которые она поднимает... «Где мое место?», «Почему я не могу найти никого, с кем можно было бы поговорить по душам?»... По-моему, у каждого время от времени возникают такие чувства.

– Ты прав, – согласилась Эмили, радуясь, что нашелся человек, которому понятны ее переживания. Она глянула через плечо на маму. Та все еще о чем-то увлеченно беседовала со своими подругами у буфета. И слава богу, подумала Эмили. Она сомневалась, что прямо сейчас выдержала бы испытующий взгляд матери.

Исаак забарабанил пальцами по облезлой спинке скамьи, возле которой они стояли.

– Ты ведь не из академии Святой Троицы?

Эмили покачала головой:

– Я учусь в роузвудской частной школе.

– А-а. – Исаак застенчиво опустил глаза. – Слушай, мне пора на сцену, но, может, поговорим о музыке и прочем как-нибудь в другой раз? Например, за ужином? Или во время прогулки? В общем, на свидании.

Эмили чуть не поперхнулась кофе, который только что глотнула из стаканчика. На... *свидании*? Девушка хотела поправить его – она не встречается с парнями, – но язык почему-то отказывался произнести эти слова.

– Прогулка в такую погоду? – вместо этого спросила она, показывая на снежную опушку, обрамлявшую витражи.

– Почему бы нет? – пожал плечами Исаак. – Можно, например, покататься на санках. У меня есть пара «ватрушек», а за Холлисом – большой холм.

Эмили широко открыла глаза:

– Тот, что за химфаком?

Исаак убрал со лба волосы и кивнул:

– Он самый.

– Раньше я постоянно таскала туда подруг. – Самые приятные зимние воспоминания Эмили были связаны с тем, как она, Эли и другие девчонки катались на санках с холма Холлис. Правда, Эли сочла, что после шестого класса девочкам не годится заниматься такими вещами, а новых компаньонов Эмили так и не удалось найти.

– На санках – с удовольствием, – сказала Эмили, сделав глубокий вдох.

– Отлично! – Взгляд Исаака вспыхнул.

На глазах у шокированных девиц из академии они обменялись номерами телефонов. Исаак махнул ей на прощание, и Эмили, двинувшись в сторону матери и ее подруг, недоумевала, на что сейчас согласилась. Нет, это не будет свиданием, рассуждала девушка. Они просто покатаются на санках как друзья. В следующую встречу она сразу расставит все точки над «i».

Но наблюдая, как Исаак пробирается сквозь толпу, то и дело останавливаясь, чтобы переброситься словом с другими ребятами и членами конгрегации, она сомневалась, что *желает* быть ему просто другом. Внезапно Эмили осознала, что не знает, чего вообще хочет.

7

Хастингсы: одна большая счастливая семья

Во вторник рано утром Спенсер вслед за сестрой поднималась по лестнице здания суда, чувствуя, как в спину ей хлещет ветер. Ее семья и родственники встречались с Эрнестом Каллоуэем, адвокатом Хастингсов, которому предстояло огласить завещание бабушки.

Мелисса придержала для нее входную дверь. По сумрачному вестибюлю, где горели всего несколько желтых лампочек – в столь ранний час никто из работающих здесь еще не появился, – гуляли сквозняки. Охваченная дурным предчувствием, Спенсер поежилась. Последний раз она приходила сюда на заседание, на котором Йену официально предъявили обвинение. И опять придет в конце этой недели, чтобы дать показания против него в суде.

По мраморной лестнице они поднялись на второй этаж, оглашая вестибюль эхом своих шагов. Конференц-зал, где мистер Каллоуэй назначил им встречу, был еще заперт: Спенсер с Мелиссой прибыли первыми. Спенсер прислонилась к стене и опустилась по ней на пол, покрытый ковром с восточным орнаментом. Девушка разглядывала большой портрет Уильяма У. Роузвуда, которого изобразили с таким выражением лица, будто у него запор. В XVII веке Уильям Роузвуд с горсткой других квакеров основал этот город, более ста лет принадлежавший семьям трех фермеров. В ту пору коров здесь было больше, чем людей. Торговый центр *King James* построили на огромном пастбище.

Мелисса села у стены рядом со Спенсер, промокая глаза розовым бумажным платочком. У нее слезы не просыхали с тех пор, как пришло известие о смерти бабушки. Сестры слушали завывание ветра, сотрясавшего окна и все здание целиком. Мелисса отпила капучино, который успела прихватить в *Starbucks* по дороге к зданию суда.

– Хочешь глотнуть? – предложила она, поймав взгляд сестры.

Спенсер кивнула. В последнее время Мелисса держалась с ней непривычно мило, ведь обычно сестры постоянно ссорились, стремясь поставить одна другую в невыгодное положение. Успех, как правило, сопутствовал Мелиссе. Перемена в ее отношении, возможно, объяснялась тем, что на Мелиссу родители тоже злились. Она несколько лет лгала полиции, утверждая, что в вечер исчезновения Эли все время была вместе с Йеном, с которым тогда встречалась. На самом деле, проснувшись посреди ночи, она увидела, что Йена рядом нет. Но умолчала об этом, боясь позора: тогда они с Йеном перебрали спиртного, а выпускницы-отличницы, которым поручают выступить с прощальной речью, не напиваются вдрызг и не спят в одной постели со своими парнями. Однако сегодня утром Мелисса была *сверхмилостива* к Спенсер, и это настораживало.

Мелисса приткнулась к стакану с кофе, пытливо глядя на сестру.

– Слышала последние новости? Говорят, улик недостаточно, чтобы осудить Йена.

Спенсер напряглась.

– Да, утром в новостях передавали что-то такое. – Но она слышала и другое мнение.

Окружной прокурор Джексон Хьюз утверждал, что улик *предостаточно*, а жители Роузвуда заслуживают того, чтобы это чудовищное преступление было наказано и забыто. Мистер Хьюз неоднократно встречался со Спенсер и ее бывшими подругами для обсуждения судебного разбирательства. Со Спенсер чаще, чем с остальными, ведь, по словам прокурора, ее показания – то, что она видела Йена вместе с Элисон за секунду до исчезновения, – наиболее важны для суда. Он очертил круг вопросов, которые ей могут задать, объяснил, как на них отвечать и как себя вести на свидетельской трибуне. На взгляд Спенсер, ее выступление будет мало чем отличаться от исполнения роли в спектакле, только в конце вместо аплодисментов кое-кому дадут пожизненный срок.

Мелисса шмыгнула носом, и Спенсер взглянула на сестру. Та сидела, опустив глаза и плотно сжимая губы от волнения.

– В чем дело? – с подозрением спросила Спенсер. Тревожный колокольчик в ее голове звенел все громче и громче.

– Знаешь, почему говорят, что улик недостаточно? – тихо спросила Мелисса.

Спенсер покачала головой.

– Из-за «Золотой орхидеи». – Мелисса смотрела искоса. – Ты солгала насчет эссе. И теперь многие считают, что тебе нельзя... доверять.

У Спенсер сдавило горло.

– Но это же совсем другое!

Поджав губы, Мелисса демонстративно отвернулась к окну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.